

ДЖЕЙМС ХЭРРИОТ

Рассказы Джеймса Хэрриота
можно перечитывать бесконечно.

Amazon

О всех
созданиях —
мудрых
и удивительных

Азбука-бестселлер

Джеймс Хэрриот

**О всех созданиях –
мудрых и удивительных**

«Азбука-Аттикус»

1976, 1977

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Хэрриот Д.

О всех созданиях – мудрых и удивительных / Д. Хэрриот —
«Азбука-Аттикус», 1976, 1977 — (Азбука-бестселлер)

ISBN 978-5-389-19599-8

В издании представлен третий сборник английского писателя и ветеринара Джеймса Хэрриота, имя которого сегодня известно читателям во всем мире, а его произведения переведены на десятки языков. В этой книге автор вновь обращается к смешным и бесконечно трогательным историям о своих четвероногих пациентах – мудрых и удивительных – и вспоминает о первых годах своей ветеринарной практики в Дарроуби, за которым проступают черты Тирска, где ныне находится всемирно известный музей Джеймса Хэрриота. В книгу вошли также рассказы о том, как после недолгой семейной жизни молодой ветеринар оказался в роли новоиспеченного летчика Королевских Военно-воздушных сил Великобритании и совершил свои первые самостоятельные полеты. На русском языке книга впервые была опубликована в 1985 году (в составе сборника «О всех созданиях – больших и малых»), с пропуском отдельных фрагментов и целых глав. В настоящем издании публикуется полный перевод с восстановленными купюрами.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-19599-8

© Хэрриот Д., 1976, 1977
© Азбука-Аттикус, 1976, 1977

Содержание

Как хочется домой	6
Маркиз в качестве прислуги	12
И кто из нас коновал?	20
Редкостная пара	26
Только одно живое существо	32
Отрава	38
Велика ли заслуга	45
Свинья с мусорным бачком на голове	48
Кот Буян, носящий мячи	54
Первая самоволка	59
Волшебное излечение кобылы ценой 5000	64
Собаčky развлечения	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Джеймс Хэрриот

О всех созданиях – мудрых и удивительных

James Herriot

ALL THINGS WISE AND WONDERFUL

Copyright © The James Herriot Partnership, 1976, 1977

All rights reserved

© И. Г. Гурова, П. С. Гуров (наследник), перевод, 1985, 2007

© С. В. Струков (наследники), перевод, 2007

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

Как хочется домой

– Живей-живей! – рявкнул капрал. – По-однажми!

Он без малейших усилий по-спринтерски забежал в тыл пыхтящей, хрипящей вереницы и начал понукать нас сзади.

Я находился где-то в середке, старательно рысил более или менее наравне с другими, а про себя прикидывал, долго ли я еще продержусь. Грудная клетка мучительно вздымалась, ножные мышцы протестующе ныли, и для отвлечения я пытался подсчитать, сколько миль мы уже пробежали.

Когда нас построили перед нашим временным жильем, у меня не было никаких дурных предчувствий. Шерстяные свитера и тренировочные брюки, которые нам приказали надеть, ничего зловещего вроде бы не предвещали. К тому же капрал, бодрый низкорослый уроженец лондонской окраины, казалось, смотрел на нас братским взглядом. Да и лицо у него было доброе.

– Вот что, ребята, – закричал он, озаряя улыбкой пятьдесят новоиспеченных летчиков. – Мы с вами немножко побегаем по парку, я впереди, а вы за мной. Нале-е-ево! Впе-е-еред марш! Лев-прав, лев-прав, лев-прав...

Скомандовал он давным-давно, но мы все еще, пошатываясь, кружили по лондонским улицам, а никакого парка и в помине не было. Мозг сверлила горькая мысль: а я-то думал, что я в хорошей форме! Сельский ветеринар, особенно среди йоркширских холмов, просто не может не быть в великолепной форме! Он ведь все время в движении, приструнивает крупных животных, карабкается по крутым склонам от сарая к сараю. Естественно, что он крепок и закален! Вот какими иллюзиями я себя тешил.

И тут предательский голосок начал нашептывать мне на ухо, что моя недолгая семейная жизнь с Хелен шла под знаком неумеренного обжорства. Уж слишком искусно она готовила, уж слишком я верный поклонник этого ее таланта! А каким блаженством было вольготно развалиться перед камином в нашей комнатке! Вот я и делал вид, будто не замечаю, как зарастает жирком мой брюшной пресс, как начинают дрябнуть грудные мышцы... И вот мне пришлось про них вспомнить.

– Уже близко, ребята, – бодро прочирикал капрал позади, но ответом ему было унылое пыхтение: он заверял нас в этом отнюдь не в первый раз и мы несколько утратили доверие к нему.

Но теперь он против обыкновения, видимо, все-таки сказал правду, потому что мы завернули за угол и я узрел в конце улицы чугунную решетку и деревья. Ах, какое облегчение! До ворот я, пожалуй, дотяну, а там отдохнем, покурим и чертовы икры перестанет сводить судорога.

Мы все, как один человек, остановились под сводом ветвей, на которых еще кое-где болтались осенние листья. Но капрал махнул нам.

– Вперед, ребята, по дорожке! – рявкнул он и указал на широкую аллею, которая охватывала парк по периметру.

Шутит он, что ли? Мы вытаращили на него глаза и разразились бурей протестов:

– Не-е-нет, капрал! Имейте жалость, капрал!..

Улыбка исчезла с лица коротышки.

– А ну бегом, кому говорят! Поживей, поживей! Раз-два, раз-два...

Спотыкаясь на темной полосе голой земли, окаймленной пожухлым газоном и покрытыми сажей рододендронами, я не мог поверить, что это происходит на самом деле. Слишком уж внезапно все произошло. Три дня назад я был в Дарроуби, и часть моей души еще пребывала там с Хелен, а другая часть еще глядела сквозь заднее стекло такси на зеленые холмы,

которые уходили за черепичными крышами в солнечное сияние; еще стояла у окна вагона: за стеклом убегали назад плоские равнины Южной Англии, а в груди у меня нарастала свинцовая тяжесть.

Мое первое соприкосновение с ВВС произошло на огромном лондонском стадионе. Бесчисленные анкеты. Медицинский осмотр, получение обмундирования и всяческого снаряжения. Нас разместили в пустых квартирах в Сент-Джонс-Вуде – очень роскошных, но только оттуда забрали все, что можно было забрать. Однако ванна оказалась, видимо, неподъемной, и мы наслаждались, наполняя горячей водой ее дорогое нутро.

Когда первый суматошный день все-таки подошел к концу, я удалился в это отделанное зеленоватой плиткой святилище и намылился свежим куском знаменитого туалетного мыла, который Хелен сунула мне в чемодан. С тех пор я никогда не покупаю его. Запахи пробуждают память, и стоит мне вдохнуть этот аромат, как меня вновь охватывает тоска первой разлуки с женой, тупая ноющая боль, которая временами только затихала, но совсем не исчезала никогда.

На второй день мы все время маршировали. А в промежутках – лекции, обед, прививки. Я свыкся со шприцами, но многих моих товарищей один их вид приводил в трепет. А когда врач начал брать кровь для анализов, молодые люди, увидев темную жидкость, вытекающую из их вен, сползли в обмороке со стула, иногда по четверо, по пятеро подряд, и санитары уносили их, весело ухмыляясь.

Кормили нас в зоопарке, где болтовня обезьян и рыканье льва на заднем плане придавали особый интерес принятию пищи. Но главным образом мы маршировали, маршировали, маршировали, а новые сапоги причиняли нам невыразимые мучения.

И на третий день все вокруг еще было словно в тумане. Разбудил нас, как и в первое утро, адский грохот захлопывающихся крышек мусорных баков. Честно говоря, я не ожидал, что пробуждаться мы будем под бодрые звуки горна, но от этого лязга хотелось взвыть. Впрочем, сейчас я думал только о том, что круг почти завершен – вон они, ворота парка! Спотыкаясь, я добрел до них и остановился в гуще стонущих товарищей.

– Еще кружок, ребята! – завопил капрал, а когда мы в ужасе уставились на него, он ласково улыбнулся. – По-вашему, это тяжело? Погодите, вот начнутся настоящие строевые учения! Это так, разминка для затравки. Вы еще мне спасибо скажете. Впе-е-еред! Раз-два, раз-два!

И вновь я спотыкаюсь на подгибающихся ногах, весь во власти горьких мыслей. Еще один круг по парку меня убьет. Тут никаких сомнений быть не может. Человек покинул любящую жену и счастливый дом, чтобы служить королю и отечеству, а они вон с ним как! Это нечестно!

А предыдущей ночью я вспоминал Дарроуби. Мы с мистером Дейкином стояли у него в коровнике. Старик, ссутулившись, смотрел на меня с высоты своего роста. Глаза на узком лице с обвислыми усами были полны терпеливой грусти.

– Значит, Незабудке конец приходит, – сказал он, и на мгновение его заскорузлая ладонь легла на спину коровы. Худ он был как щепка, большие натруженные руки с узловатыми, распухшими пальцами свидетельствовали о жизни, полной тяжелой работы.

Я вытер иглу и опустил ее в жестяной ящик, в котором возил ланцеты, скальпели, а также перевязочный и шовный материал.

– Решать, конечно, вам, мистер Дейкин, но ведь я зашиваю ей соски в третий раз, и, боюсь, далеко не в последний.

– Оно, конечно, у нее тут все пообвисло. – Старик нагнулся, разглядывая ряд узлов по шву в ладонь длиной. – И всего-то другая корова наступила, а вид – страшней некуда.

– Коровьи копыта очень остры, – сказал я. – И при движении сверху вниз режут почти как нож.

Вечная беда старых коров! Вымя у них отвисает, соски увеличиваются, становятся дряблыми, и, когда такая корова ложится в стойле, вымя, несравненный молокотворный орган, распластывается и попадает под ноги соседок. Если не Мейбл справа, так Ромашки слева.

В маленьком, вымошенном булыжником коровнике с низкой кровлей и деревянными перегородками стояло всего шесть коров, и у каждой была кличка. Теперь коров с кличками вы не встретите; исчезли и такие фермеры, как мистер Дейкин, у которого было всего шесть дойных коров, три-четыре свиньи и несколько кур, так что он еле сводил концы с концами. Конечно, коровы приносили телят, но...

– Ну что же, – сказал мистер Дейкин. – Старушка со мной в полном расчете. Я помню, как она родилась, ночью, двенадцать лет тому назад. Еще у той Ромашки. И я вытащил ее на мешковине из этого самого коровника, а снег так и валил. А уж сколько тысяч галлонов молока она с тех пор дала, и считать не стану – она и посейчас четыре галлона¹ дает. Да-да, она со мной в полном расчете.

Незабудка, словно понимая, что речь идет о ней, повернула голову и посмотрела на него. Она являла собой классическую картину одряхлевшей коровы – такая же тощая, как ее хозяин, с выпирающими тазовыми костями, с разбитыми копытами, со множеством кольцевых перехватов на кривых рогах. Вымя, некогда упругое и тугое, жалко свисало почти до пола.

Походила она на своего хозяина и терпеливым спокойствием. Прежде чем зашить сосок, я сделал местную анестезию, но, мне кажется, она и без того не шевельнулась бы. Когда ветеринар зашивает соски, он наклоняет голову над задними ногами и его очень удобно лягнуть, но от Незабудки такой подлости можно было не ждать: она ни разу в жизни никого не лягнула.

Мистер Дейкин вздохнул:

– Ну что поделаешь! Придется поговорить с Джеком Додсоном: пусть заберет ее в четверг на мясной рынок. Жестковата она, конечно, но на фарш сгодится.

Он попытался шутить, но, глядя на старую корову, не сумел выдавить улыбку. Позади него, за открытой дверью, зеленый склон сбегал к реке и весеннее солнце зажигало на ее широких отмелях миллионы танцующих искр. Дальше светлая полоса выбеленной солнцем гальки смыкалась с лугом, протянувшимся по долине.

Я часто думал, как, должно быть, приятно жить на этой маленькой ферме. Всего миля до Дарроуби, но при этом полное уединение и чудесный вид на реку и холмы за ней. Однажды я даже сказал об этом мистеру Дейкину, и старик поглядел на меня с невеселой улыбкой.

– Так-то так, да только видом сыт не будешь, – сказал он.

В четверг мне снова пришлось заехать туда «почистить» одну из коров, и тут за Незабудкой явился Додсон, гуртовщик. Он уже собрал порядочное число откормленных бычков и коров с других ферм и оставил их на дороге под присмотром работника.

– Ну, мистер Дейкин! – воскликнул он, вбегая в коровник. – Сразу видно, которую вы отсылаете. Вон ту скелетину.

Он ткнул пальцем в Незабудку, и действительно, это нелестное слово вполне соответствовало ее костлявости, бросающейся в глаза на фоне упитанных соседок.

Фермер молча прошел между коровами, ласково почесал Незабудке лоб и только тогда ответил:

– Верно, Джек. Эту. – Он постоял в нерешительности, потом отомкнул цепь на ее шее и пробормотал: – Ну иди, иди, старушка!

Старая корова повернулась и с безмятежным спокойствием вышла из стойла.

– А ну пошевеливайся! – крикнул гуртовщик и ткнул ее палкой.

– Ты ее не бей, слышишь! – рявкнул мистер Дейкин.

Додсон с удивлением оглянулся на него.

¹ Около восемнадцати литров.

– Я их никогда не бью, сами знаете. Подгоняю немножечко, и все.

– Знаю, знаю, Джек. Только эту и подгонять не нужно. Она сама пойдет, куда ты ее поведешь. Никогда не упиралась.

Незабудка подтвердила этот отзыв: выйдя из коровника, она послушно побрела по тропе.

Мы со стариком смотрели, как она не спеша поднимается по склону. За ней шагал Джек Додсон. Тропа свернула в рощицу, корова и порыжелый комбинезон гуртовщика скрылись из виду, но мистер Дейкин все еще глядел им вслед, прислушиваясь к затихающему стуку копыт по твердой земле.

Когда звук замер в отдалении, мистер Дейкин быстро повернулся ко мне.

– Пора и за дело браться, мистер Хэрриот, а? Сейчас я вам принесу горячей воды.

Мистер Дейкин хранил молчание все время, пока я намыливал руку и вводил ее в корову. Извлекать послед достаточно противно, но еще противнее наблюдать, как это делает кто-то другой, а потому в таких случаях я всегда пытаюсь отвлекать хозяина разговором. Однако на сей раз задача оказалась не из легких: я испробовал погоду, крикет и цены на молоко, но мистер Дейкин только невнятно буркал в ответ.

Он держал хвост коровы, опирался на шершавую спину и, глядя перед собой пустыми глазами, глубоко затягивался трубкой, которую, как и все фермеры, благоразумно закурил перед началом чистки. Ну и конечно, раз обстановка сложилась тяжелая, то и работа затянулась. Иногда плаценту удается извлечь целиком, но на этот раз мне приходилось отделять буквально карункул за карункулом, и каждые несколько минут я возвращался к ведру, чтобы снова продезинфицировать и намылить ноющие руки.

Но всему приходит конец. Я вложил пару пессариев, снял мешок, заменявший мне фартук, и натянул рубашку. Разговор давно иссяк, и молчание становилось совсем уж тягостным. Мистер Дейкин открыл дверь коровника и вдруг остановился, не снимая руки со щеколды.

– Что это? – спросил он негромко.

Где-то на склоне раздавался перестук коровьих копыт. К ферме вели две дороги, и он доносился со второй из них – с узкого проселка, который в полумиле от ворот выходил на шоссе. Мы все еще прислушивались, когда из-за каменистого пригорка появилась корова и затрусила к нам.

Это была Незабудка. Она бежала бодро, огромное вымя моталось из стороны в сторону, а взгляд был решительно устремлен на раскрытую дверь у нас за спиной.

– Что за... – Мистер Дейкин не договорил. Старая корова проскочила между нами и без колебаний вошла в стойло, которое занимала десять с лишним лет. Недоуменно понюхав пустую кормушку, она поглядела через плечо на своего хозяина.

Мистер Дейкин уставился на нее. Глаза на дубленом лице ничего не выражали, но из его трубки быстро вырывались клубы дыма. За дверью послышался топот кованых сапог, и в дверь, запыхавшись, влетел Джек Додсон.

– Так ты тут, подлюга старая! – еле выговорил он. – А я уж думал, что не отыщу тебя! – Он повернулся к фермеру. – Извиняюсь, мистер Дейкин. Она, должно быть, свернула на вторую вашу дорогу, а я и не заметил.

Старый фермер пожал плечами:

– Ладно, Джек. Ты тут ни при чем. Я ж тебя не предупредил.

– Ну, дело поправимое! – Гуртовщик ухмыльнулся и шагнул к Незабудке. – Давай, милка, пошли.

Но мистер Дейкин неожиданно преградил ему путь. Наступило долгое молчание; мы с Додсоном недоуменно смотрели на фермера, а он не спускал глаз с коровы, которая стояла у подгнившей перегородки, терпеливая и кроткая. В старом животном было какое-то трогательное достоинство, заставлявшее забыть безобразные расплюснутые копыта, выпирающие ребра, дряблое вымя, метущее пол.

Все так же молча мистер Дейкин неторопливо прошел между коровами и, лязгнув цепью, застегнул ее на шее Незабудки. Потом он направился в дальний конец коровника, принес навитую на вилы охапку сена и ловко сбросил его в кормушку.

Незабудке только того и надо было. Она выдернула внушительный клочок и с тихим удовольствием принялась его пережевывать.

– Чего это вы, мистер Дейкин? – с недоумением спросил гуртовщик. – Меня же на рынке дожидаются.

Фермер выбил трубку о нижнюю половину двери и начал набивать ее дешевым табаком из жестяной банки.

– Ты уж извини, Джек, что я тебя затруднил, но только пойдешь ты без нее.

– Без нее?.. Как же?..

– Ты, конечно, подумаешь, что я свихнулся, но я тебе вот что скажу: старушка пришла домой и останется дома. – Он посмотрел на гуртовщика прямо и твердо.

Додсон раза два кивнул и вышел из коровника. Мистер Дейкин высунулся за дверь и крикнул ему вслед:

– За хлопоты я тебе заплачу, Джек. Припиши к моему счету.

Вернувшись, он поднес спичку к трубке, затянулся и сказал сквозь завивающийся дым:

– Вам, мистер Хэрриот, доводилось чувствовать, что вот как случилось, то так и надо, так и к лучшему?

– Да, мистер Дейкин. И не один раз.

– Вот когда Незабудка спустилась с холма, я это самое и почувствовал. – Он протянул руку и почесал ей крестец. – Она всегда была самой из них лучшей, и я рад, что она вернулась.

– Но как быть с ее выменем? Я, конечно, готов зашивать соски, но...

– Э, я кое-что придумал. Вы вот чистили, а я тут и сообразил, только пожалел, что поздно.

– Придумали?

– Ага! – Старик кивнул и прижал табак пальцем. – Чем ее доить, подпущу к ней парочку телят, а поставлю в старую конюшню: там на нее некому будет наступать.

– Отличная мысль, мистер Дейкин. – Я засмеялся. – В конюшне с ней ничего не случится, а выкормит она и трех телят без особого труда.

– Ну да это дело десятое, я уже говорил. После стольких лет она мне ничего не должна. – Морщинистое лицо озарила мягкая улыбка. – Главное-то, что она пришла домой!

Мои глаза большую часть времени были закрыты, и я кружил по парку наугад, а когда их открыл, все было как в красном тумане. Но все-таки человеческая натура – крепкий орешек, и когда среди подкопченных ветвей появились железные ворота, я недоверчиво уставился на них.

Я выжил на втором круге, но обычного отдыха мне теперь было мало. Теперь мне надо было лечь. Я вымотался.

– Отлично, ребята, – как всегда, весело прокричал капрал. – У вас здорово получается. А сейчас немножко попрыгаем на месте.

Мы издали жалобный вопль, но капрала это не смутило.

– Ноги вместе! Раз-два! Нет, так не годится, надо выше, выше! Раз-два!

Все это было полнейшим абсурдом. Моя грудь превратилась в пылающую пустоту. От этих людей ждут, чтобы они подготовили нас к службе, а вместо этого они наносят непоправимый вред моему сердцу и легким.

– Вы еще скажете мне спасибо, парни. Поверьте на слово. Выше! Выше! Раз-два!

Преодолевая боль, я видел смеющееся лицо капрала. Этот человек явно был садистом. Вывать к его состраданию было бесполезно.

И, собрав в кулак последние силы, я подбросил себя в воздух, и мне внезапно стало ясно, почему я прошлым вечером думал о Незабудке.
Я тоже хотел домой.

Маркиз в качестве прислуги

Туман клубился над головами марширующей колонны – лондонский туман, густой, желтый, с металлическим привкусом. Я не мог различить первые ряды, ничего, кроме желтого пятна фонаря, качающегося в руке ведущего.

Когда мы вот так направлялись завтракать в половине седьмого утра, настроение у меня бывало очень скверным, а тоска по дому становилась мучительной. Самая худшая часть дня!

У нас в Дарроуби тоже бывали туманы, но совсем другие, деревенские, не похожие на этот. Как-то утром, когда я отправился по вызовам, лучи моих фар упирались в серую завесу впереди и из моей плотно закрытой коробочки я не видел ровно ничего. Я уже направлялся вверх по склону и поднимался все выше под напряженное урчание мотора, как вдруг туман поредел, превратился в серебристую мерцающую дымку и рассеялся.

Тут над колышущейся серой пеленой ослепительно сияло солнце, и впереди зеленые холмы уходили в небо летней синевы.

Я устремлялся в это сияющее великолепие, зачарованно глядя сквозь ветровое стекло, будто видел все это в первый раз: бронзу сухих папоротников, вкрапленную в травянистые склоны, темные мазки деревьев, серые домики и нескончаемый узор стенок, тянущихся к верескам на вершинах.

Как обычно, времени у меня было в обрез, но я не мог не остановиться. Я затормозил в воротах. Сэм, мой бигль, выпрыгнул наружу, и мы пошли по лугу. Пес кружил по дерну в сверкающих каплях, а я стоял в теплых лучах солнца среди тающего инея и смотрел назад, на темное сырое одеяло, которое накрывало долины, но не алмазный мир над ними.

И, жадно глотая душистый воздух, я благодарным взглядом обводил чистый зеленый край, где я работал и добывал свой хлеб насущный. Я мог бы остаться здесь до ночи, прохаживаясь, глядя, как Сэм, виляя хвостом, исследует все вокруг и тыкается носом в тенистые уголки, куда солнце еще не добралось, где земля оставалась тверже железа, а на траве лежал хрустящий под ногами иней. Но меня ждали к определенному часу – и не кто-нибудь, а пэр Англии, и я неохотно вернулся в машину.

Я должен был начать проверку коров лорда Халтона в девять тридцать, и, когда я обогнул господский дом елизаветинских времен, направляясь к службам неподалеку, сердце у меня сжалось от дурного предчувствия. Нигде не было видно ни единой коровы, только мужчина в потрепанных холщовых брюках деловито забивал последние гвозди в самодельный станок у ворот скотного двора.

Услышав меня, он обернулся и приветливо замахал молотком. Я пошел к нему, с удивлением глядя на щуплую фигуру, на пряди мягких белобрысых волос, падающих на лоб, на рванный джемпер и облепленные навозом резиновые сапоги. Казалось, он вот-вот скажет: «А, мистер Хэрриот! Утречко-то какое!» Но нет, он сказал:

– Хэрриот, дорогой мой, жутко сожалею, но очень опасаясь, что мы еще не совсем готовы для вас. – И он начал развязывать кисет с табаком.

Уильям Джордж Генри Огестес, одиннадцатый маркиз Халтон, всегда посасывал трубку и то чистил ее металлическим ежиком, то пытался разжечь. Но я ни разу не видел, чтобы он ее курил. В минуты стресса он пытался проделывать все это одновременно. То, что он оказался не готов, его явно смущало, и когда он заметил, как я невольно покосился на свои часы, то еще больше расстроился, вынул трубку изо рта, снова сунул ее туда, взял молоток под мышку и открыл большой коробок спичек.

Я посмотрел на склон со службами. У самого горизонта я различил крохотные фигурки мечущихся коров, гоняющихся за ними людей. До меня донесся далекий лай, а затем мычание и пронзительные вопли: «Тпрюси, тпрюси», «А ну пошла!», «Сидеть, пес!».

Я вздохнул. Старая, привычная история. Даже йоркширская аристократия, видимо, разделяла здешнее беззаботное отношение ко времени.

Его сиятельство, несомненно, понял мои чувства, и его смущение заметно усилилось.

– Очень нехорошо получилось, дорогой мой, – сказал он, разбрасывая спички и хлопья табака по каменным плитам. – Я обещал, что все будет готово в девять тридцать, но чертовы коровы ничего не желают знать!

Я выдавил улыбку.

– Ничего страшного, лорд Халтон, их уже как будто гонят сюда, а сегодня утром я не так уж стеснен временем.

– Чудесно! Чудесно! – Он попытался зажечь темный холмик табака, который было заискрился, но тут же вывалился через край трубки. – И посмотрите! Я соорудил станок. Будем загонять их туда, и они уже ничего поделать не смогут. Помните, в прошлый раз не все прошло гладко?

Я кивнул. Еще бы не помнить! У лорда Халтона было лишь около тридцати дойных коров, но туберкулинизация их заняла добрых три часа непрерывного родео. Я с сомнением посмотрел на довольно хлипкое сооружение из досок и кровельного железа. Будет интересно поглядеть, как оно противостоит полудикой скотине!

Я вовсе не хотел давить на него, но снова машинально скосил глаза на часы, и щуплый маркиз вздрогнул, как от удара.

– Черт возьми! – вскипел он. – Что они там возятся? Пожалуй, надо пойти помочь им! – Он принялся в расстройстве перекладывать молоток, кiset, трубку и спички из одной руки в другую, ронял их и подбирал, пока наконец не решил молоток положить на землю, а все остальное рассовать по карманам. Затем он удалился бодрой рысцой, а я в который раз подумал, что, наверное, таких аристократов, как он, в Англии отыщется не много.

Будь я маркизом, подумалось мне, так я бы нежился в постели или, быть может, как раз сейчас раздвинул бы занавески посмотреть, какая на дворе погода. Но лорд Халтон все время трудился наравне со своими работниками. Как-то утром я застал его за самой уж черной работой – погрузкой навоза: стоя на высокой куче этого бесценного удобрения, он накладывал его вилами в тележку, одну дымящуюся порцию за другой. Поскольку одет он был всегда в лохмотья, остается предположить, что в гардеробе у него хранились более пристойные костюмы, но я ни разу их на нем не видел. Даже табак у него был особенно любимый фермерами.

Мои размышления прервал грохот копыт, сопровождаемый дикими выкриками: приближалось халтонское стадо. Минуту спустя скотный двор заполнился кружащими коровами, от которых клубами валил пар.

Из-за угла дома галопом появился маркиз.

– Ладно, Чарли! – завопил он. – Впускайте первую в станок!

Задыхаясь от предвкушения, он остановился возле досок, испещренных шляпками гвоздей, и Чарли открыл ворота. Мохнатое рыжее чудовище влетело в станок, на мгновение замешкалось в узком проходе, а затем со скоростью около пятидесяти миль в час появилось из другого конца, унося на рогах и шее часть творения его сиятельства. Следом двинулось и остальное стадо.

– Остановите их! Остановите! – завопил щуплый пэр, но это не помогло.

Мохнатый поток вырвался из пролома, и в мгновение ока стадо устремилось вверх по склону. Работники побежали за коровами, и вскоре мы с лордом Халтоном вновь, как несколько минут назад, следили за крохотными фигурками у линии горизонта, а из отдаления доносилось: «Тпруси-тпруси!» и «А ну пошла!».

– Послушайте, – пробормотал он уныло, – нельзя сказать, чтобы он оказался прочным.

Зато самому маркизу в упорстве было отказать никак нельзя. Схватив молоток, он застучал им с прежним энтузиазмом, и к тому времени, когда стадо вернулось, станок был вос-

становлен, а спереди длинный железный лом преграждал путь корове, которая попыталась бы вырваться. Казалось, проблема была решена. Первая корова спокойно остановилась перед ломом, и через отверстие в досках я без труда выстриг участок у нее на шее. Лорд Халтон в отличнейшем настроении уселся на перевернутой бочке из-под бензина, положив на колени мою тетрадь для записей.

– Я буду записывать, дорогой мой! – крикнул он. – Валяйте, дорогой мой!

Я приложил кутимер к коровьей шее.

– Восемь-восемь.

Он записал, и в станок вошла новая корова.

– Восемь-восемь, – сказал я, и он снова склонился над тетрадью.

Третья корова – восемь-восемь. Четвертая – восемь-восемь. И так далее – восемь-восемь да восемь-восемь.

Его сиятельство оторвался от тетради и утомленно провел ладонью по лбу.

– Хэрриот, дорогой мой, нельзя ли чуть разнообразнее? Я начинаю утрачивать интерес.

Все шло гладко, пока в станок не вошла корова, которая прежде разнесла его. И как мы теперь заметили, поцарапала при этом шею.

– Поглядите-ка! – воскликнул пэр. – Это не опасно?

– Нисколько. Просто царапинка.

– Отлично. Но вы не считаете, что ее надо бы чем-нибудь смазать? Немножечко этого...

Так я и знал. Лорд Халтон был горячим поклонником пропамидинового крема фирмы «Мей и Бейкер» и использовал его для всех царапин и ссадин, какими обзаводились его коровы. Он обожал эту мазь. Но к сожалению, выговорить «пропамидин» ему никак не удавалось. Как, впрочем, и никому в его имении, за исключением Чарли, старшего на ферме. Называл он эту панацею «пропопамид», но его сиятельство свято ему доверял.

– Чарли! – громогласно позвал он. – Вы здесь, Чарли?

Чарли вынырнул из водоворота на скотном дворе и приложил руку к шляпе.

– Слушаю, милорд.

– Чарли, эта чудо-мазь, которую прописывает мистер Хэрриот, ну, для пораненных сосков и тому подобного. Про... Перо... как, черт побери, она называется?

Чарли внушительно помолчал. Это был миг его торжества.

– Пропопамид, милорд.

Маркиз, очень довольный, хлопнул себя по колену под холщовыми брюками.

– Вот-вот! Пропопамид. На этом чертовом словечке язык сломаешь! Молодец, Чарли!

Чарли скромно наклонил голову.

По сравнению с прошлым разом туберкулинизация потребовала куда меньше хлопот, и мы закончили через полтора часа. Хотя произошла и трагедия. Примерно на половине одна корова упала мертвой из-за магниевого недостаточности – состояние, нередко наступающее у коров, кормящих телят. Мгновенная безболезненная смерть, и у меня не было ни малейшей возможности что-либо сделать.

Лорд Халтон посмотрел на корову, уже переставшую дышать.

– Как по-вашему, можем мы пустить ее на мясо, если сразу обескровим?

– Ну, это типичный случай магниевого недостаточности. Ничего вредного для кого-либо... Попробуйте. Все зависит от того, что решит инспектор на бойне.

Корове выпустили кровь, погрузили ее в фургон, и пэр отправился с ней на бойню. Он вернулся, как раз когда мы кончили проверку.

– Ну как? – спросил я. – Тушу приняли?

Он помялся.

– Нет... нет, старина, – сказал он удрученно. – Боюсь, что нет.

– Но почему? Инспектор забраковал тушу?

- Ну-у... собственно, до инспектора я не добрался... Поговорил с разрубщиком.
- И что он сказал?
- Всего три слова, Хэрриот.
- Три слова?
- Да... «А пошел ты!»
- Ах так! – Я кивнул.

Представить себе эту сцену труда не составляло. Дюжий разрубщик смерил взглядом щуплого коротышку и решил, что не стоит отвлекаться ради какого-то оборванца с фермы.

- Не огорчайтесь, сэр, – сказал я. – Попытка не пытка.

– Верно... верно, старина. – Он уронил несколько спичек, расстроено перебирая свои курительные принадлежности.

Открыв дверцу машины, я вспомнил про пропамидин.

- Не забудьте заехать за мазью.

– Ах черт! Ну конечно! Заеду после обеда. Я очень полагаюсь на этот пром... пра... Чарли, сто тысяч чертей, как его там?

Чарли гордо выпрямился.

- Пропопамид, милорд.

– А, да, пропопамид! – Маленький маркиз засмеялся. К нему вернулось обычное солнечное настроение. – Молодчина, Чарли! Вы подлинное чудо!

– Благодарю вас, милорд. – И Чарли погнал коров назад на луг. Его лицо сияло самодовольством эксперта.

Странная вещь! Стоит съездить к клиенту по одной причине, и обязательно вскоре встретишься с ним совсем по другой. Не прошло и недели и железная хватка зимы ни на йоту не ослабела, как телефон на тумбочке затрезвонил у меня над ухом.

После того как мое сердце, по обыкновению, оборвалось – что, по-моему, ничего хорошего ветеринарам не сулит, – я спросонья выпростал из-под одеяла руку.

- Да? – буркнул я.

– Хэрриот... Послушайте, Хэрриот... Это вы, Хэрриот? – Голос просто содрогался от напряжения.

- Да, он самый, лорд Халтон.

– Чудесно... чудесно... черт возьми, приношу свои извинения, чертовски неприятно будить вас вот так... но тут творится что-то дьявольски странное. – Послышалось легкое постукивание: видимо, возле трубки падали спички.

– Неужели? – Я зевнул, и мои глаза непроизвольно сомкнулись. – Но в чем это конкретно выражается?

– Ну, я сидел с моей лучшей свиноматкой. Она опоросилась и принесла двенадцать хороших поросят, но вот только что-то очень странное...

- В каком смысле?

– Трудно описать словами, старина... но вы знаете... ну, эта... это... э... нижнее отверстие... из него свисает чертовски длинная красная штука.

Глаза у меня вытаращились, рот раскрылся в беззвучном крике. Выпадение матки. У коровы – тяжелый труд, у овцы – приятная разминка, у свины – вообще не поддается.

- Длинная красная... Когда?.. Как?.. – бессмысленно бормотал я, заранее зная ответы.

– Просто взяла да и выскочила, дорогой мой. Я ждал еще одного поросенка – и на тебе! Просто напугала меня.

Под одеялом пальцы у меня на ногах скрючились. Какой смысл объяснять ему, что за мою недолгую практику я пять раз сталкивался с выпадением матки у свиней и все пять раз ничего не сумел сделать. И пришел к выводу, что нет способа водворить матку свины на место.

Но попытаться я был обязан.

– Сейчас приеду, – пробормотал я.

И посмотрел на будильник. Половина шестого. Жуткое время! Ночному сну положен конец, и уже не остается шансов вздремнуть часок до начала дневных трудов. А с тех пор как я женился, то и вовсе возненавидел ночные выезды. Возвращаться к Хелен было чудесно, но по той же причине стало куда тяжелее расставаться с ее милой теплотой и выходить в негостеприимный темный мир снаружи.

Пока я ехал на халтонскую ферму, воспоминания о тех пяти свиньях отнюдь не скрашивали дорогу. Я испробовал все: полную анестезию, подвешивал их головой вниз, направлял струю из шланга на вывернутый орган и все время толкал, напрягался, обливался потом, возясь с огромной бесформенной массой, которая никак не засовывалась обратно сквозь до нелепости узкое отверстие. Итогом всякий раз становилось превращение моей пациентки в отбивные и сокрушительный удар по моему самолюбию.

Луна зашла, и мягкий свет, падавший из дверей свинарника, контрастировал с темными силуэтами строений вокруг. Лорд Халтон ждал меня на пороге, и я решил, что обязан предупредить его.

– Должен сказать вам, сэр, что положение крайне серьезное. Вам следует знать, что свинью часто приходится пускать под нож.

Глаза маленького маркиза расширились, уголки рта поползли вниз.

– Неужели! Так неприятно... одна из лучших моих свиней. Я... я немного к ней привязан.

На нем был свитер с высоким воротом, до того заношенный, что длинные махры доставали ему чуть не до колен; он попытался раскурить трубку дрожащими руками, и вид у него был самый несчастный.

– Но я сделаю что смогу, – поспешил я добавить. – Всегда ведь есть шанс на удачный исход.

– Спасибо! – От облегчения он уронил кисет, а когда нагнулся за ним, из открытого короба к его ногам посыпались спички. Мы подобрали их и наконец вошли в свинарник.

Реальность оказалась ничуть не лучше того, что рисовалось моему воображению. Слабый свет единственной электрической лампочки над закутком озарял невероятно длинную, очень плотную на вид красную вывороченную матку, которая тянулась от зада крупной белой свиньи, неподвижно лежавшей на боку. У сосков толкали и пихали друг друга двенадцать розовых поросят, – видимо, сосать им было почти нечего.

Раздевшись, я погрузил руки по плечи в ведро, над которым клубился пар, от всей души желая, чтобы матка у свиньи была маленькой, коротенькой и не этой жуткой формы. Угнетала меня и мысль, что тут я не мог рассчитывать ни на какие искусственные приспособления. Существовало множество хитроумных приемов и различных инструментов, но в этом тихом хлеву находились только свиньи, лорд Халтон и я. Я знал, что его сиятельство будет очень рад стать моим помощником, но я по прошлому опыту знал, что руки у него будут заняты курительными принадлежностями и он обязательно что-нибудь уронит, а потому его помощь оставляла желать лучшего.

Я опустил на колени позади свиньи, чувствуя, что полагаться могу только на себя. И едва я обхватил обеими руками вывалившуюся матку, как мной овладело неколебимое убеждение, что и в шестой раз меня ждет полная неудача. Водворить эту бесформенную массу на ее место? Нелепость этой идеи стала только еще более явной, когда я начал заталкивать ее внутрь. Не произошло ровным счетом ничего.

Я накачал свинью снотворным, и она не тужилась, мешая мне. Просто матка была слишком, слишком велика. Сверхъестественным усилием я сумел пропихнуть несколько ее дюймов в вагинальное отверстие, но, едва я расслабился, она вновь полностью выскочила наружу. Все во мне требовало бросить эти попытки немедленно: конец может быть только один, а меня,

помимо всего, одолевала слабость, которую испытываешь, работая в предутренние часы, – все тело будто свинцом наливалось.

Ну ладно, попробую еще разок. Распластавшись на полу, прижимаясь грудью к холодному бетону, я нажимал, давил, заталкивал, пока у меня глаза на лоб не полезли и не стало трудно дышать, но все без толку. Это меня доконало. Хватит! Надо просто сказать ему.

Перекатившись на спину, я, пытаясь, смотрел на него снизу вверх в ожидании, когда ко мне вернется голос. Я скажу: «Лорд Халтон, мы попусту теряем время. Случай безнадежный. Сейчас я вернусь домой, а утром сразу позвоню на бойню». Сбежать! Такая заманчивая мысль. Ведь, возможно, я смогу поспать еще часок в теплой постели с Хелен. Роковые фразы уже были готовы сорваться с моего языка, когда щуплый пэр посмотрел на меня умоляюще, как будто зная, что он сейчас услышит. И попытался улыбнуться, тревожно переводя взгляд с меня на свинью и снова на меня. Тихое страдальческое похрюкивание напомнило мне, что все это касается не только меня.

Я ничего не сказал, а снова лег на грудь, уперся ступнями в загородку и вновь начал толкать и нажимать. Не знаю, сколько времени я пролежал так, надавливая, и расслабляясь, и снова надавливая. Я охал, стонал, а пот ручейками струился у меня по спине. Маркиз молчал, но я знал, что он внимательно следит за каждым моим движением, потому что время от времени мне приходилось смахивать с матки пару-другую спичек.

Затем – казалось, без всякой причины – груды в моих объятиях внезапно словно бы стала поменьше. Я злобно на нее уставился. Но сомнений не было – она стала вдвое меньше! Я судорожно вздохнул, и у меня вырвался хриплый крик:

– Черт! По-моему, она вправляется!

Видимо, лорд Халтон как раз набивал трубку, потому что я услышал придушенное: «Что... что... это же чудесно!» – и на меня посыпались хлопья табака.

Да-да! Собрав остатки энергии для последнего гигантского усилия, я сдул пол-унции табачных хлопьев со слизистой матки, и, словно по мановению волшебной палочки, огромный орган практически беспрепятственно исчез из виду. Я не верил собственным глазам, такое это было великолепное, просто завораживающее зрелище. Моя рука немедленно последовала туда же по самое плечо, пока я лихорадочно вращал кистью, но наконец оба рога заняли свое законное положение. Окончательно убедившись, что все в полном порядке, я несколько минут пролежал, не вытаскивая руки и уткнувшись лбом в пол. Смутно сквозь пелену глубочайшей усталости я слышал возгласы лорда Халтона:

– Молодчага! Черт побери, просто чудо! Ах молодчага! – Он прямо-таки приплясывал от восторга.

И тут меня вновь охватил ужас. А что, если она снова вывалится? Я быстро схватил иглу, кетгут и начал накладывать швы на вульву.

– Ну-ка, подержите! – рявкнул я и сунул ему ножницы.

Накладывать швы с помощью лорда Халтона оказалось не так просто. Я совал ему то иглу, то ножницы, затем властно требовал их, что вызывало некоторое смятение. Дважды он подавал мне трубку, чтобы обрезать кетгут, а один раз оказалось, что в тусклом свете я пытаюсь вдеть кетгут в ежик для чистки трубки. Его сиятельство тоже страдал: иногда до меня доносились придушенные проклятия, когда он в очередной раз укалывался об иглу.

Однако наконец все завершилось. Я с трудом поднялся на ноги и прислонился к стене. Челюсть у меня отвисла, пот заливал глаза.

Маленький пэр с сочувствием и тревогой смотрел на мои бессильно повисшие руки, на запекшуюся кровь и засохшую грязь на моей груди.

– Хэрриот, дорогой мой, вы совсем вымотались, старина! И свалитесь с пневмонией или еще с чем-нибудь, если будете и дальше стоять тут полуголым. Вам нужно выпить чего-нибудь

горячего. Вот что: почиститесь, оденьтесь, а я сбегаю в дом за чем-нибудь таким. – И он торопливо вышел из свинарника.

Ноющие мышцы почти мне не подчинялись, пока я намыливался, вытирался и натягивал рубашку. Застегивая ремешок часов на запястье, я увидел, что уже начало восьмого. Со двора доносились голоса работников, приступавших к своим утренним занятиям.

Я застегивал пиджак, когда маркиз вернулся. Он нес поднос с пинтовой кружкой дымящегося кофе и двумя толстыми ломтями хлеба с медом. Он поставил поднос на тючок соломы, придвинул перевернутое ведро вместо стула, а затем вскочил на бочку с отрубями и уселся на ней, точно эльф на мухоморе, обхватив руками колени и глядя на меня с радостным предвкушением.

– Слуги еще спят, старина, – сказал он. – Так что я сам приготовил вам перекусить.

Я опустил на ведро и глотнул кофе. Он был черный, обжигающий, крепкий, как удар галловейского бычка, и огнем разлился по моему измученному телу. Потом я вгрызся в ломоть домашней выпечки, густо намазанный собственным маслом под толстым слоем верескового меда из длинного ряда ульев, которые я так часто видел у верхнего края пустоши. Я жевал, благоговейно закрыв глаза, а потом снова взял пинтовую кружку и поглядел на фигурку, увенчивавшую бочку с отрубями.

– Дозволено ли мне сказать, сэр, что это подлинный пир. Ничего вкуснее я не едал.

Его лицо озарила восторженная улыбка.

– Ну-у... прах его побери, вы правда так думаете? Я рад. А вы замечательно поработали, мой милый. Даже выразить не могу, как я вам благодарен.

Я упоенно откусывал, жевал и запивал, чувствуя, как ко мне возвращаются силы, и тут он с тревогой заглянул в закуток.

– Хэрриот... эти швы. Не нравится мне их вид.

– Почему? – сказал я. – Это просто предосторожность. Можете сами снять их через два-три дня.

– Прекрасно! Но они не оставят раны? Лучше бы их смазать чем-нибудь.

Я чуть не подавился. Ну вот опять! Для полного счастья ему не хватало только пропамидина.

– Да, старина, надо наложить немножко этого прип... пром... Тысяча дьяволов! Ну никак... – Он откинул голову и испустил громовой зов: – Чарли!

Чарли появился в дверях и прикоснулся к шляпе.

– Доброе утро, милорд.

– Доброе утро, Чарли. Приглядите, чтобы свинью помазали этим замечательным кремом. Как, черт побери, он называется?

Чарли сглотнул и расправил плечи.

– Пропопамид, милорд.

В полном восторге маленький пэр вскинул руки.

– Ну конечно же! Пропопамид! Просто не знаю, запомню ли я когда-нибудь это чертово название! – Он с восхищением посмотрел на своего старшего работника. – Чарли, а вы вот так сразу... Просто не понимаю, как это у вас получается.

Чарли слегка поклонился в знак благодарности.

Лорд Халтон обернулся ко мне.

– У вас ведь найдется для нас немного пропопамида, Хэрриот?

– Конечно, – ответил я. – По-моему, у меня есть тубик-другой в машине.

Восседавая на ведре в смешанном благоухании свиньи, отрубей и кофе, я почти физически ощущал накатывающиеся на меня волны убоготворенности. Его сиятельство был явно на седьмом небе от всего, что произошло, Чарли улыбался той улыбкой превосходства, которая

всегда появлялась на его губах, после того как он демонстрировал свое умение выговаривать заветное слово, ну а я все больше погружался в бездумную эйфорию.

С моего насеста мне была видна внутренность закутка, и зрелище было очень приятное. На время операции поросят посадили в большой ящик, но теперь они вернулись к матери и лежали бок о бок длинным розовым рядком, припав ротишками к соскам. Свинья, видимо, отпустила молоко: не было отчаянной возни, чтобы занять положение поудобнее, – ничего, кроме блаженной сосредоточенности.

Свинья была очень породистая, и, вместо того чтобы лежать сейчас на колоде мясника, она кормила свое потомство. Словно прочитав мои мысли, она удовлетворенно захрюкала, и во мне поднялось то чувство свершения и честной гордости, которое дарит даже маленькая победа, придавая смысл нашей жизни на земле.

Ну и еще кое-что. Меня вдруг осенила совсем новая мысль, щекоча мое самолюбие, как пузырьки шампанского. Кто еще в эту минуту из конца в конец Англии ест завтрак, собственноручно приготовленный и поданный ему маркизом?

И кто из нас коновал?

Я боюсь стоматологов.

Но еще больше я боюсь незнакомых стоматологов, поэтому, перед тем как отправиться служить в ВВС, я убедился, что с зубами у меня все в порядке. Все говорили мне, что к зубам летчиков предъявляют особые требования, и я не хотел, чтобы кто-то посторонний копался у меня во рту. А говорили, что нельзя оставить ни одной дырки.

Поэтому перед призывом я отправился к старому мистеру Гроверу в Дарроуби, и он тщательно сделал все, что нужно. Он прекрасно справлялся со своей работой, был предупредителен и осторожен, поэтому не вызывал во мне того ужаса, который внушали другие стоматологи. Входя в его кабинет, я не испытывал ничего, кроме сухости в горле, дрожания в коленях, а если учесть, что глаза я все время держал закрытыми, то мой поход к нему закончился вполне удачно.

Мой страх перед стоматологами уходит своими корнями в начало двадцатых годов, когда я впервые познакомился с ними. Еще ребенком меня отвели к ужасному Гектору Макдарроку в Глазго, и он следил за моими зубами вплоть до моей юности. Друзья моего детства говорили мне, что он и в них вселяет такой же постоянный страх, и я полагаю, что не одно поколение жителей города испытывало то же самое.

Конечно, нельзя было в этом винить только Гектора. Оборудование в те дни было примитивным, и визит к врачу-стоматологу превращался в настоящее испытание. Правда, Гектор, с его раскатистым смехом, габаритами и мощностью фигуры, делал его еще тяжелее. А ведь он был очень милым человеком, веселым и добродушным.

Электрическая бормашина еще не была изобретена, а даже если и была, то в Шотландию не добралась, и Гектор сверлил зубы устрашающего вида машинкой с ножным приводом. У нее было огромное колесо с кожаным ремнем, которое сообщало вращение бору, и, когда вы лежали в кресле, перед вашими глазами мелькали два предмета: колесо, крутившееся возле самого уха, и огромное колено Гектора, истово ходившее вверх-вниз прямо перед вашим лицом.

Он приехал с севера и на шотландских фестивалях наряжался в килт со спорраном, а бревна швырял как спички. Он был так велик и силен, что я всегда оказывался безнадежно запертым в его кресле, а он наваливался на меня всей своей массой и сверлил зубы машиной, нажимая на педаль. Он только что не прижимал коленом мою грудь, но и без того владел мной полностью.

Его не беспокоили мои придушенные крики, когда он добирался до особенно чувствительных мест зуба, он в любом случае доводил работу до конца без каких-либо церемоний. У меня сложилось впечатление, что Гектор считал боль проявлением слюнтяйства, а страдания – средством укрепления духа.

Как бы то ни было, с тех пор я отдавал явное предпочтение нежным стоматологам типа мистера Гровера. Мне было приятно думать, что в случае драки у меня есть хороший шанс на победу или побег. Мистер Гровер также понимал, чего боятся люди, и это помогало ему в работе. Я помню, как он посмеивался, рассказывая мне об огромных фермерах, которые приходили к нему, чтобы удалить зуб. Он рассказывал мне, что подходил к стоявшему в той же комнате шкафу с инструментами, а когда оборачивался, обнаруживал, что кресло опустело.

Мне и по сию пору не нравятся походы к стоматологу, но должен признать, что современные врачи работают прекрасно. Когда я прихожу к своему врачу, я его почти не вижу. Так, белое пятно халата, и все – остальное делается из-за спины. В моем рту появляются и исчезают пальцы и инструменты, но даже тогда, когда я осмеливаюсь открыть глаза, я ничего не вижу.

С другой стороны, Гектор Макдаррок, казалось, находил удовольствие в демонстрации своих ужасных приспособлений: он наполнял раствором шприц с длинной иглой прямо у меня под носом и несколько раз картинно брызгал кокаином в потолок, перед тем как сделать мне инъекцию. Более того, перед тем как удалить зуб, он долго копался в жестяном ящике, вытаскивая страшнейшие щипцы, пристально рассматривал их и со свистом убирал назад, пока не находил нужные.

Вспоминая обо всем этом, я сидел в длинной очереди среди летчиков, дожидавшихся предварительного осмотра. Я был благодарен мистеру Гроверу за то, что он полностью проверил все мои зубы. В дальнем конце длинного кабинета стояло зубоврачебное кресло, и стоматолог быстро проверял молодых людей в голубых кителях, а потом диктовал санитару за столом результаты осмотра.

Меня забавляло наблюдать за выражением лиц парней, когда он оглашал свой приговор: «Три пломбы, два удаления!», «Восемь пломб!». Большинство из них выглядели удивленными, другие – чуть не плакали. То тут, то там кто-то пытался спорить с человеком в белом халате, но толку в этом не было: их не слушали. Время от времени я едва удерживался от громкого смеха. Конечно, я понимал, что злорадствую, но, в конце концов, им некого было винить, кроме себя. Если бы они проявили способность предвидеть, как это сделал я, им бы ни о чем не пришлось беспокоиться.

Когда прозвучала моя фамилия, я поспешил к креслу и, напевая себе под нос, беззаботно опустился в него. Стоматологу не понадобилось много времени. Он решительно покопался в моих зубах и рявкнул:

– Пять пломб, одно удаление!

Я замер и с удивлением уставился на него.

– Но, но... – я начал заикаться, – я же только что проверил зубы...

– Следующий, пожалуйста, – проворчал стоматолог.

– Но доктор Гровер сказал...

– Следующий! Да поживее! – крикнул санитар, не выказывая ко мне ни малейшего интереса.

– Явитесь завтра утром в Риджент-Лодж на удаление, – сказала мне девушка из женского вспомогательного отряда ВВС.

Завтра утром! Боже, они не теряют времени! Но что все это значило? Мои зубы были в полном порядке. Только на одном была слегка повреждена эмаль, но мистер Гровер сказал, что это не доставит мне неприятностей. На этот зуб ложился чубук моей трубки, но не могло же это быть причиной такого диагноза.

Но затем возникла малоприятная мысль о том, что мое мнение никого не интересует. Когда мои робкие протесты были проигнорированы – там, в кабинете, – меня впервые поразило то обстоятельство, что я больше не являюсь гражданским лицом.

На следующее утро грохот крышек мусорных баков не мог заглушить мрачные мысли, которые лезли мне в голову. Мне сегодня предстояло удаление зуба! При этом довольно скоро. Следующие несколько часов, которые были заняты утренним построением и марш-броском на завтрак, моя тревога только нарастала. Даже омлет из яичного порошка и тосты были не так вкусны, как обычно, а серый день еще не успел начаться, когда я подходил к Риджент-Лоджу.

Поднимаясь по ступеням дома, я почувствовал, что мои ладони покрываются потом. Я не любил сверления зубов, но удаление было куда как страшнее. Что-то восставало внутри меня при мысли, что из меня силой вырвут некую часть моего организма, пусть и безболезненно. Я шел по гулкому коридору и уверял себя в том, что больно не будет, в наши дни больно не бывает. Так, небольшой укольчик, и все.

Я лелеял эту удобную мысль, когда вошел в огромный зал ожидания, в который выходили двери кабинетов. Здесь сидело около тридцати летчиков с различными выражениями на

лицах: от болезненной улыбки до напускной бравады. В воздухе стоял удушающий запах антисептиков. Я нашел себе стул, сел и приготовился ждать. Я уже достаточно давно находился в армии, чтобы знать, что здесь приходится долго ждать всего, и я не видел причины, почему посещение стоматолога должно в этом отношении чем-то отличаться от всего остального.

Когда я садился, человек слева приветствовал меня легким кивком. Он был толст, и на лоб ему падали грязные черные волосы. Он сосредоточенно ковырял спичкой в зубах, но, окинув меня оценивающим взглядом, обратился ко мне на чистейшем кокни:

– Ты в какой кабинет, старина?

Я посмотрел в карту.

– В четвертый.

– Иди ты! Значит, попался! – Он вытащил спичку изо рта и зловеще улыбнулся.

– Попался? Что вы имеете в виду?

– А ты что, не слышал? Там же работает мясник.

– Кто? Какой мясник? – У меня задрожал голос.

– Да так называют стоматолога, который там работает. – Он широко улыбнулся. – Он настоящий убийца, этот тип.

Я сглотнул.

– Мясник?.. Убийца?.. Перестаньте! Все они одинаковы, я уверен.

– Не верь этому, старина. Есть те, что получше, и те, что похуже, но этот тип – настоящий убийца. Ему нельзя было позволять работать врачом.

– А откуда вы знаете?

Он беспечно помахал рукой.

– Я здесь бывал уже несколько раз и слышал ужасные крики из этого кабинета. К тому же я разговаривал с парнями, которые там были. Все они называют его мясником.

Я потер руки о грубое голубое сукно брюк.

– Да я и сам слышал такие рассказы. В них все преувеличено.

– Сам увидишь, старина. – Он вновь начал ковырять в зубах. – Только не говори, что это я тебе сказал.

Он говорил еще о многом, но я слушал его вполуха. Фамилия его была Симкин, и он не был курсантом летной школы, как мы, а служил в регулярных наземных частях, работая на кухне. Он с презрением называл нас рядовыми необученными и подчеркивал, что нам придется «как следует послужить», чтобы оказаться достойными звания летчиков Королевских военно-воздушных сил. Впрочем, я заметил, что, несмотря на долгие годы службы, он был младшим пилотом, как и я.

Прошел почти час, который я просидел с колотящимся в груди сердцем, прежде чем дверь с номером четыре открылась. Должен признаться, все молодые люди, вышедшие из этого кабинета, выглядели довольно растерянно, а один чуть ли не выполз оттуда, держась за щеку обеими руками.

– Боже! Ты только посмотри на этого несчастного дурака! – Симкин не пытался скрыть свое удовлетворение. – Стукни меня! Он отмучился. Как я рад, что нахожусь не на твоём месте.

Я чувствовал, как напряжение во мне растёт.

– А в какой кабинет идёте вы? – спросил я.

Он тщательно обследовал спичкой рот.

– Номер два, старина. Я там уже был. Там работает отличный парень, один из лучших. Никогда не сделает больно.

– Что ж, значит, вам повезло.

– Да нет, везение тут ни при чём, старина. – Он помолчал и, наставив на меня спичку, продолжил: – Я знаю, как здесь и что. Есть разные пути и средства.

Он резко опустил глаза.

Разговор внезапно прекратился, поскольку ужасная дверь открылась и из нее вышла девушка из вспомогательного женского отряда.

– Младший пилот Джеймс Хэрриот, – сказала она.

Я встал на дрожащие ноги и глубоко вдохнул. Я еще не сделал и шага, но заметил, что на лице Симкина играет выражение невыразимой радости. Он получал явное удовольствие.

Пройдя в кабинет, я ощутил, как мое чувство обреченности усилилось. Мясник был очередным Гектором Макдарроком: под два метра ростом, с огромными руками, которые раздували рукава его халата. У меня мороз прошел по коже, когда он, весело смеясь, подошел к креслу.

Усевшись в кресло, я решил предпринять последнюю попытку.

– Это вот этот зуб? – спросил я, коснувшись пальцем единственного подозреваемого.

– Именно он, – рявкнул мясник, – как раз этот.

– Но, знаете ли, – начал я с легким смешком, – мне кажется, я смогу вам объяснить.

Произошла ошибка...

– Да-да... – пробормотал он, заполняя шприц перед моими глазами и брызнув в воздух несколькими веселыми струйками.

– Но на нем же только откололся кусочек эмали, и мистер Гровер говорил...

Девушка наклонила кресло, я оказался в полулежачем положении, а надо мной наклонилась белая туша.

– Видите ли, – попытался я в отчаянии. – Мне нужен этот зуб. Я зажимаю в нем...

Сильный палец прижал мою десну, и я почувствовал, как в нее входит иголка. Я решил покориться судьбе.

Когда этот гигант сделал местную анестезию, он опустил шприц.

– Теперь посиди пару минут, – сказал он и вышел из кабинета.

Как только за ним закрылась дверь, девушка на цыпочках подошла ко мне.

– Этот тип – придурок! – прошептала она.

– Придурок? Что вы имеете в виду?

– Болтун! Сдвинутый по фазе! Он не умеет удалять зубы!

– Но... но... он же стоматолог, не так ли?

Девушка криво усмехнулась.

– Это он так думает! Но не умеет ничего!

У меня не было времени, чтобы оценить эту бодрящую информацию, поскольку дверь открылась и гигант вошел в кабинет.

Он взял ужасные щипцы, я закрыл глаза, а он стал разминать руки.

Должен признаться, что я ничего не чувствовал, пока он манипулировал с моим зубом, пытаюсь его раскатать: местная анестезия делала свое благородное дело. Я уже говорил себе, что все скоро кончится, как вдруг услышал резкий хруст.

Я открыл глаза. Мясник удивленно уставился на обломок зуба, зажатый в щипцах. Корень по-прежнему оставался в десне.

Стоящая у него за спиной девушка многозначительно кивнула мне, как бы желая сказать: «А что я говорила?» Она была миловидной и невысокой, но, боюсь, любые сексуальные проявления у молодых людей, появлявшихся в этом кабинете, исчезали немедленно.

– Черт! – проворчал мясник и начал копать в железном ящике. Я тут же перенесся в дни, когда Макдаррок выуживал из своего ящика одну пару щипцов за другой, открывая и закрывая их, как бы примеряя ко мне.

Однако никакого успеха он не добился, и по прошествии некоторого времени я стал невольным свидетелем постепенной перемены его настроения – от сердечности к молчанию, а затем к чему-то похожему на панику. Было видно, что мужик явно пришиблен. У него не было ни малейшего представления о том, как вытащить корень.

Он пытался достать его и так и эдак в течение получаса, когда его внезапно осенила идея. Отбросив все щипцы в сторону, он почти бегом выскочил из кабинета, но вскоре появился снова, держа перед собой поднос, на котором лежали долото и металлический молоток.

Он подал знак, и девушка положила кресло совершенно горизонтально. Видимо, процедура ей была хорошо знакома, потому что она рассчитанным движением взяла мою голову в руки и замерла в ожидании.

Я не мог поверить своим глазам, когда этот мужик всунул долото мне в рот и замахнулся молотком, но все сомнения рассеялись, когда железо ударило по остаткам зуба, а голова откинулась на упругую грудь девушки. И тем не менее пытка продолжалась. Я уже потерял счет времени, а мясник все бил и бил, и моя голова ходила ходуном в девичьих руках.

В моей голове крутилась мысль о том, что мне всегда было интересно: что чувствуют молодые лошади, когда я выбиваю им волчьи зубы. Теперь я это знал.

Когда он наконец остановился, я открыл глаза и, хотя к тому времени я уже был готов ко всему, с удивлением увидел, как он вдевает в иглу шелковинку. Он взмок, и, когда наклонился надо мной, в его глазах светилось отчаяние.

– Просто пару шовчиков, – хрипло пробормотал он, и я снова закрыл глаза.

Когда я встал с кресла, меня охватило очень странное чувство. Голова кружилась, а кончики швов щекотали язык. Уверен, что, выходя из кабинета, я качался из стороны в сторону и инстинктивно прикрывал рот рукой.

Первым человеком, который попался мне по дороге, был Симкин. Он сидел там же, где я и оставил его, но теперь он выглядел иначе, с волнением вглядываясь в мое лицо. Я прошел мимо, и он ухватил меня за рукав.

– Ну и как ты, старина? – сказал он, заикаясь. – Мне сменили кабинет и назначили четвертый. – Он сглотнул. – Ты довольно ужасно выглядишь после визита туда. Что случилось?

Я посмотрел на него. Возможно, не все еще потеряно и этим утром я увижу свет. Я сел рядом с ним и застонал.

– Боже, вы еще шутите! Я ничего подобного раньше не видел. Он чуть не убил меня. Его не зря называли мясником!

– Почему?.. Что?.. Что он сделал?

– Да ничего особенного. Просто выбил мне зуб с помощью молотка и долота, только и всего.

– Черт! Ты меня разыгрываешь! – Симкин попытался улыбнуться.

– Честное слово, – сказал я. – Как бы то ни было, сейчас мимо пронесут поднос с инструментами. Увидите сами.

Он уставился на девушку, которая уносила ужасные приспособления, и побледнел.

– Иди ты! А что?.. Что еще он сделал?

Я подержался за челюсть.

Еще он сделал такое, чего я раньше не видел. Он сделал в челюсти такую дыру, что пришлось накладывать швы.

Симкин решительно замотал головой.

– Нет, я не верю! Я не верю тебе!

– Что же, – сказал я, – а что вы скажете про это?

Я наклонился к нему и оттянул губу, чтобы показать в непосредственной близости огромную дыру и кровавые концы швов, торчащие из раны.

Он отшатнулся от меня, его губы затряслись, а глаза расширились.

– Боже, – застонал он. – О боже!

Тут из-за двери выглянула девушка и крикнула:

– Младший пилот Симкин!

Он подпрыгнул, как будто его ударил электрический разряд. Затем, понутив голову, зашаркал в кабинет. В двери он оглянулся, с отчаянием поглядел на меня, и больше я его не видел.

Этот опыт усилил мой ужас перед предстоящими мне пятью пломбами. Но мои страхи оказались напрасными, это были просто вполне тривиальные манипуляции, которые безболезненно и эффективно выполнили стоматологи Королевских ВВС, сильно отличавшиеся от мясника.

И уже после многих лет, как закончилась война, человек из четвертого кабинета протянул ко мне свою длинную руку из прошлого. Я стал чувствовать что-то странное во рту и отправился к мистеру Гроверу, который сделал мне рентген челюсти и показал милую картину того рокового корня, который оставался сидеть на своем месте, несмотря на молоток и долото. Он удалил его, и сага получила свое окончание.

Мясник оставил по себе яркую память, поскольку, мало того что он подверг меня такому испытанию, он постоянно напоминал о себе опасным болтанием чубука трубки, который я никак не мог зафиксировать в бесполезной дыре между зубами.

Но все-таки небольшое утешение я в этом нашел. Покидая кабинет номер четыре, я подыскал слова, которые принесли мне некоторое удовлетворение. Я обернулся и обратился к великану, который готовился принять очередную жертву.

– Кстати, – сказал я, – а ведь я выбил столько зубов именно таким способом, как вы только что.

Он повернулся и уставился на меня.

– В самом деле? Вы что, стоматолог?

– Нет, – ответил я через плечо. – Я коновал.

Редкостная пара

Женщины нравятся мне больше, чем мужчины.

Нет-нет, ничего дурного о мужчинах я сказать не хочу – как-никак я ведь тоже мужчина, – но только слишком уж много их было в ВВС. В буквальном смысле тысячи и тысячи их толкались, орали, ругались, и скрыться от них было некуда. Некоторые стали моими друзьями, и дружба эта продолжается по сей день, но общее, отнюдь не поэтичное их множество открыло мне глаза на то, как изменили меня несколько месяцев семейной жизни.

Женщины много нежнее, ласковее, чистоплотнее, во всех отношениях приятнее, и я, всегда считавший себя своим в мужской компании, внезапно пришел к изумившему меня выводу: что мне куда милее общество женщины – одной женщины...

Ощущение, что я внезапно очутился в куда более грубом мире, особенно усугублялось в начале каждого нового дня, а наибольшей остроты оно достигло в то утро, когда я дежурил на пожарном посту и мне на долю выпало садистское удовольствие бежать по коридору, стуча крышками мусорных бачков и вопя: «Подъем, подъем!» Особенно ошеломляли меня не проклятия и нехорошие слова, доносившиеся из темных спален, а удивительные утробные звуки. Они напомнили мне о Седрике, одном моем пациенте, и я мгновенно очутился в Дарроуби с телефонной трубкой в руке. Голос в ней был каким-то странно нерешительным.

– Мистер Хэрриот... Я была бы очень вам благодарна, если бы вы приехали посмотреть мою собаку...

Женщина, вернее, дама.

– Разумеется. А в чем дело?

– Ну-у... он... э... у него... он страдает некоторым метеоризмом...

– Прошу прощения?

Долгая пауза.

– У него сильный метеоризм.

– А конкретнее?

– Ну... полагаю... вы понимаете... газы... – Голос жалобно дрогнул.

Мне показалось, что я уловил суть.

– Вы хотите сказать, что его желудок...

– Нет-нет, не желудок. Он выпускает... э... порядочное количество... э... газов из... из... – В голосе появилось отчаяние.

– А-а! – Все прояснилось. – Понимаю. Но ведь ничего серьезного как будто нет? Он плохо себя чувствует?

– Нет. Во всех других отношениях он совершенно здоров.

– Ну и вы все-таки считаете, что мне нужно его посмотреть?

– Да-да, мистер Хэрриот! И как можно скорее. Это становится... стало серьезной проблемой...

– Хорошо, – сказал я. – Сейчас приеду. Будьте так добры, мне надо записать вашу фамилию и адрес.

– Миссис Рамни. «Лавры».

«Лавры» оказались красивым особняком на окраине Дарроуби, стоявшим посреди большого сада. Дверь мне открыла сама миссис Рамни, и я был ошеломлен. Не столько даже ее поразительной красотой, сколько эфирностью ее облика. Вероятно, ей было под сорок, но она словно сошла со страниц викторианского романа – высокая, стройная, вся какая-то неземная. И я сразу же понял ее телефонные страдания. Такое воплощение изысканности, деликатности – и вдруг!..

– Седрик на кухне, – сказала она. – Я провожу вас.

Поразил меня и Седрик. Огромный боксер в диком восторге прыгнул ко мне и принялся дружески скрестить мою грудь такими огромными задубелыми лапами, каких мне давно видеть не приходилось. Я попытался сбросить его, но он повторил свой прыжок, восхищенно пыхтя мне в лицо и виляя всем задом.

– Сидеть! – резко сказала дама, но Седрик не обратил на нее ни малейшего внимания, и она добавила нервно, обращаясь ко мне: – Он такой ласковый.

– Да, – еле выговорил я. – Это сразу заметно. – И, сбросив наконец могучую псину, попятился для безопасности в угол. – И часто этот... э... метеоризм имеет место?

Словно в ответ, почти осязаемая сероводородная волна поднялась от собаки и захлестнула меня. Видимо, радость от встречи со мной активизировала какие-то внутренние процессы в организме Седрика. Я упирался спиной в стену, а потому не мог подчиниться инстинкту самосохранения и бежать, а только заслонил лицо ладонью.

– Вы имели в виду это?

Миссис Рамни помахала перед носом кружевным платочком, и матовую бледность ее щек окрасил легкий румянец.

– Да... – ответила она еле слышно. – ...Это.

– Ну что же, – произнес я деловито. – Причин для беспокойства нет никаких. Пойдемте куда-нибудь, поговорим о том, как он питается, и обсудим еще кое-что.

Выяснилось, что Седрик получает довольно много мяса, и я составил меню, снизив количество белка и добавив углеводов. Затем посоветовал давать ему по утрам и вечерам смесь белой глины с активированным углем и отправился восвояси со спокойной душой.

Случай был пустяковый, и он совсем изгладился у меня из памяти, когда снова позвонила миссис Рамни.

– Боюсь, Седрику не лучше, мистер Хэрриот.

– Очень сожалею. Так он... э... все еще... да... да... – Я задумался. – Вот что. Помоему, снова его смотреть сейчас смысла нет, а вы неделю-другую совсем не давайте ему мяса. Кормите сухарями и ржаным хлебом, подсушенным в духовке. Ну и еще овощи. Я дам вам порошки, чтобы подмешивать ему в еду. Вы не заехали бы?

Порошки эти обладали значительным абсорбционным потенциалом, и я не сомневался в их действенности, однако неделю спустя миссис Рамни позвонила опять.

– Ни малейшего улучшения, мистер Хэрриот. – В голосе ее слышалась прежняя дрожь. – Я... мне бы хотелось, чтобы вы еще раз его посмотрели.

Особого смысла в том, чтобы снова осматривать абсолютно здоровую собаку, я не видел, но заехать обещал. Вызовов у меня было много, и в «Лавры» я добрался после шести. У подъезда стояло несколько автомобилей, а когда я вошел в дом, то очутился среди гостей, приглашенных на коктейль, – людей одного круга с миссис Рамни и таких же утонченных. По правде говоря, я в своем рабочем костюме выглядел в этом элегантном обществе деревенским пен-тюхом.

Миссис Рамни как раз намеревалась проводить меня на кухню, но тут дверь распахнулась, и в нее, извиваясь от восторга, влетел Седрик. Секунду спустя джентльмен с лицом эстета уже отчаянно отбивался от огромных лап, энергично царапавших его жилет. Это привело к потере двух пуговиц, и боксер принялся ластиться к одной из дам. Еще мгновение, и он сдернул бы с нее платье, но тут я его оттащил.

В изящной гостиной воцарился хаос. Жалобные уговоры хозяйки вплетались в испуганные возгласы при каждой новой атаке дюжего пса, но вскоре я обнаружил, что ситуация осложняется новым элементом. По комнате быстро распространялся всепроникающий запах – злополучный недуг Седрика не замедлил дать о себе знать.

Я всячески старался забрать пса из гостиной, но он понятия не имел о послушании, и все мои попытки завершились жалким фиаско.

Одна неловкая минута сменялась другой... Тут-то я и постиг во всей полноте ужас положения миссис Рамни. Нет собаки, которая иногда не пускала бы газы, но Седрик был особая статья: он пускал их непрерывно. И звуки, сопровождавшие этот процесс, хотя сами по себе были вполне безобидны, в таком обществе вызывали даже большее смущение, чем дальнейшее бесшумное распространение газов.

А Седрик еще подливал масло в огонь: всякий раз, когда раздавался очередной взрыв, он вопросительно поглядывал на свой тыл и принимался выделять курбеты по всей комнате, словно его взгляд ясно различал веющие по ней зефиры, а он ставил себе целью тут же их изловить.

Казалось, миновал год, прежде чем мне удалось изгнать его из гостиной. Миссис Рамни придерживала дверь открытой, когда я начал оттеснять Седрика в направлении кухни, но могучий боксер еще не истощил свои ресурсы: по дороге он внезапно задрал заднюю ногу, и мощная струя оросила острую как бритва складку модных брюк одного из элегантных джентльменов.

После этого вечера я ринулся в бой ради миссис Рамни. Ведь ей моя помощь была необходима как воздух, и я наносил Седрику визит за визитом, пробуя все новые и новые средства. Я проконсультировался у Зигфрида, и он рекомендовал диету из сухарей с древесным углем. Седрик поглощал их с видимым наслаждением, но и они ни на йоту не помогли.

А я все это время ломал голову над загадкой миссис Рамни. Она жила в Дарроуби уже несколько лет, но никто о ней ничего не знал. Неизвестно было даже, вдова она или разъехалась с мужем. Но меня такие подробности не интересовали. Интриговала меня куда более жгучая тайна: каким образом она оказалась владелицей такого пса, как Седрик?

Трудно было вообразить собаку, менее гармонизировавшую с ее личностью. Даже не считая его недуга, он во всем являлся полной ее противоположностью: дюжий, буйный, туповатый душа-парень, совершенно неуместный в ее утонченном доме. Я так и остался в неведении, что и почему их связало, но во время моих визитов я узнал, что и у Седрика есть свой поклонник – бывший батрак Кон Фентон, подрабатывавший как приходящий садовник и три дня в неделю трудившийся в «Лаврах». Боксер кинулся провожать меня к воротам, и старик с восхищением уставился на него.

– Ух черт! – сказал он. – Отличный пес!

– Вы правы, Кон, – ответил я. – Очень симпатичный.

И я не кривил душой. При более близком знакомстве устоять перед дружелюбием Седрика было трудно. На редкость ласковый – ни злости, ни капли подлости, он был постоянно окружен ореолом не только зловония, но и искренней доброжелательности.

Когда он отрывал у людей пуговицы или орошал их брюки, двигало им исключительно желание излить на них свою симпатию.

– Вот уж ляжки так ляжки! – благоговейно прошептал Кон, с восторгом глядя на мускулистые ноги пса. – Ей-богу, он перемахнет через эту калитку и даже ее не заметит. Одно слово, стоящая собака.

И вдруг меня осенило, почему боксер так ему понравился. Между ним и Седриком было явное сходство – тоже не слишком обременен мозгами, сложен как бык, могучие плечи, широкая, вечно ухмыляющаяся физиономия – ну просто два сапога пара.

– Люблю я, когда хозяйка его в сад выпускает, – продолжал Кон, как обычно посапывая. – Уж с ним не соскучишься.

Я внимательно в него всмотрелся. Впрочем, он мог и не заметить особенности Седрика – ведь виделись они под открытым небом.

Всю дорогу домой я уныло размышлял над тем, что от моего лечения пользы Седрику нет никакой. Конечно, переживать по такому поводу казалось смешным, тем не менее ситуация начала меня угнетать, и моя тревога передалась Зигфриду. Он как раз спускался с крыльца, когда я вылез из машины, и его ладонь сочувственно легла на мое плечо.

– Вы из «Лавров», Джеймс? Ну, как вы нашли нынче вашего пукающего боксера?

– Боюсь, без изменений, – ответил я, и мой коллега сострадательно покачал головой.

Мы оба потерпели поражение. Возможно, существуй тогда хлорофилловые таблетки, от них и была бы польза, но все тогдашние средства я перепробовал без малейших результатов. Положение выглядело безвыходным. И надо же, чтобы владелицей такой собаки была миссис Рамни! Даже обиняками обсуждать с ней Седрика было невыносимо.

От Тристана тоже не оказалось никакого проку. Он с большой разборчивостью решал, какие наши пациенты заслуживают его внимания, но симптомы Седрика сразу внушили ему интерес, и он во что бы то ни стало захотел сопровождать меня в «Лавры». Однако этот визит для него оказался последним.

Могучий пес прыгнул нам навстречу, покинув свою хозяйку, и, словно нарочно, приветствовал нас особенно звучным залпом.

Тристан тотчас вскинул руку театральным жестом и продекламировал:

– О, говорите вы, губы нежные, что никогда не лгали!

Больше я Тристана с собой не брал: мне и без него было тошно.

Тогда я еще не знал, что впереди меня поджидает еще более тяжкий удар. Несколько дней спустя опять позвонила миссис Рамни.

– Мистер Хэрриот, моя приятельница хочет привезти ко мне свою прелестную боксершу, чтобы повязать ее с Седриком.

– А?

– Она хочет повязать свою суку с Седриком.

– С Седриком?... – Я уцепился за край стола. Не может быть! – И вы согласились?

– Ну конечно.

Я помотал головой, проверяя, не снится ли мне это. Неужто кто-то хочет получить от Седрика потомство? Я уставился на телефон, и перед моим невидящим взором проплыли восемь маленьких Седриков, которые все унаследовали особенность своего родителя... Да что это я? По наследству это не передается... Я кашлянул, взял себя в руки и сказал твердым голосом:

– Что же, миссис Рамни, раз вы так считаете...

Наступила пауза.

– Но, мистер Хэрриот, я хотела бы, чтобы это произошло под вашим наблюдением.

– Право, не вижу зачем! – Я сжал кулак так, что ногти впились в ладонь. – Мне кажется, все будет хорошо и без меня.

– Ах, я буду гораздо спокойнее, если вы приедете. Ну пожалуйста! – умоляюще сказала она.

Вместо того чтобы испустить заунывный стон, я судорожно втянул воздух в грудь.

– Хорошо. Утром приеду.

Весь вечер меня терзали дурные предчувствия. Впереди предстояло еще одно мучительнейшее свидание с этой прелестной дамой. Ну почему мне все время выпадает на долю делить с ней эпизоды один другого непристойнее? И я искренне страшился худшего. Даже самый глупый кобель при виде сучки с течкой инстинктивно знает, что от него требуется. Но такой призовой идиот, как Седрик... Да, на душе у меня было смутно.

На следующее утро все худшие мои страхи оправдались. Труды, боксерша, оказалась изящным, относительно миниатюрным созданием и выражала полную готовность выполнить свою роль. Однако Седрик, хотя и впал при виде ее в неистовый восторг, на этом и остановился. Хорошенько ее обнюхав, он с идиотским видом затанцевал вокруг, высунув язык. После чего покатался по траве, затем ринулся к Труды, резко затормозил перед ней, расставив широкие лапы и наклонив голову, готовый затеять веселую возню. У меня вырвался тяжелый вздох. Так я и знал! Этот балбес-переросток представления не имел, что ему делать дальше.

Пантомима продолжалась, и, естественно, эмоциональное напряжение возымело обычный эффект. Теперь Седрик то и дело оглядывался с изумлением на свой хвост, будто в жизни ничего подобного не слышал.

Свои танцы он перемежал стремительными пробежками вокруг газона, но после десятой, видимо, решил, что ему все-таки следует заняться сукой. Он решительно направился к ней, и я затаил дыхание. К несчастью, зашел он не с того конца. Трудн сносила его штучки с кротким терпением, но теперь, когда он лихо принялся за дело около левого ее уха, она не выдержала и, пронзительно твякнув, куснула его заднюю ногу так, что он в испуге отскочил.

После этого при каждом его приближении она угрожающе скалила зубы, явно разочаровавшись в своем нареченном, и с полным на то основанием.

– Мне кажется, миссис Рамни, с нее достаточно, – сказал я.

С меня тоже было более чем достаточно, как и с миссис Рамни, судя по ее прерывистому дыханию, заалевшим щекам и колышущемуся у носа платочку.

– Да... конечно... Вероятно, вы правы, – ответила она.

Трудн увезли домой, на чем карьера Седрика как производителя и окончилась.

А я решил, что настало время поговорить с миссис Рамни, и несколько дней спустя заехал в «Лавры» без приглашения.

– Возможно, вы сочтете, что я слишком много на себя беру, – сказал я, – но, по моему глубокому убеждению, Седрик для вас не подходит. Настолько, что просто портит вам жизнь.

Глаза миссис Рамни расширились.

– Ну-у... Конечно, в некоторых отношениях с ним трудно... но что вы предлагаете?

– По-моему, вы должны завести другую собаку. Пуделя или корги. Небольшую. Чтобы вам просто было с ней справляться.

– Но, мистер Хэрриот, я и подумать не могу, чтобы Седрика усыпили! – На глаза у нее навернулись слезы. – Я ведь очень к нему привязалась, несмотря на его... Несмотря ни на что.

– Ну что вы! Мне он тоже нравится. В общем-то, он большой симпатяга. Но я нашел выход. Почему бы не отдать его Кону?

– Кону?..

– Ну да. Он от Седрика просто без ума, а псу у старика будет житься неплохо. За домом там большой луг, Кон даже скотину держит. Седрику будет где побегать. А Кон сможет приводить его с собой сюда, и три раза в неделю вы будете с ним видеться.

Миссис Рамни некоторое время молча смотрела на меня, но ее лицо озарилось надеждой.

– Вы знаете, мистер Хэрриот, это было бы отлично. Но вы уверены, что Кон его возьмет?

– Хотите держать пари? Он же старый холостяк и, наверное, страдает от одиночества. Вот только одно... обычно они встречаются в саду. Но когда Седрик в четырех стенах начнет... когда с ним случится...

– Думаю, это ничего, – быстро перебила миссис Рамни. – Кон брал его к себе на неделю-другую, когда я уезжала отдыхать, и ни разу не упомянул... ни о чем таком...

– Вот и прекрасно! – Я встал, прощаясь. – Лучше поговорите со стариком не откладывая.

Миссис Рамни позвонила мне через два-три дня. Кон уцепился за ее предложение, и они с Седриком как будто очень счастливы вместе. А она последовала моему совету и взяла щенка пуделя.

Увидел я этого пуделя только через полгода, когда понадобилось полечить его от легкой экземы. Сидя в элегантной гостиной, глядя на миссис Рамни, подтянутую, безмятежную, изящную, с белым пудельком на коленях, я невольно восхитился гармоничностью этой картины. Пышный ковер, бархатные гардины до пола, хрупкие столики с дорогими фарфоровыми безделушками и миниатюрами в рамках. Нет, Седрику тут было нечего делать.

Кон Фентон жил всего в полумиле оттуда, и я, вместо того чтобы сразу вернуться в Скей-дейл-хаус, свернул к его дому, поддавшись минутному импульсу. Я постучал. Старик открыл дверь, и его широкое лицо стало еще шире от радостной улыбки.

– Входи, парень! – воскликнул он с обычным своим странным посапыванием. – Вот уж гость так гость!

Я не успел переступить порог тесной комнатухи, как в грудь мне уперлись тяжелые лапы. Седрик не изменил себе, и я с трудом добрался до колченового кресла у очага. Кон уселся напротив, а когда боксер прыгнул, чтобы облизать ему лицо, дружески стукнул его кулаком между ушами.

– Сидеть, очумелая твоя душа! – прикрикнул Кон с нежностью, и Седрик блаженно опустился на ветхий половичок, с обожанием глядя на своего нового хозяина.

– Что ж, мистер Хэрриот, – продолжал Кон, начиная набивать трубку крепчайшим на вид табаком, – очень я вам благодарен, что вы мне такого пса сподобили. Одно слово, редкостный пес, и я его ни за какие деньги не продам. Лучшего друга днем с огнем не сыщешь.

– Вот и прекрасно, Кон, – ответил я. – И как вижу, ему у вас живется лучше некуда.

Старик раскурил трубку, и к почерневшим балкам низкого потолка поднялся клуб едкого дыма.

– Ага! Он ведь все больше снаружи околачивается. Такому большому псу надо же выход силе давать.

Но Седрик в эту минуту дал выход отнюдь не силе, потому что от него повеяло знакомой вонью, заглушившей даже вонь табака. Кон сохранял полное равнодушие, но мне в этом тесном пространстве чуть не стало дурно.

– Ну что же! – с трудом просипел я. – Мне пора. Я только на минутку завернул поглядеть, как вы с ним устроились.

Торопливо поднявшись с кресла, я устремился к двери, но душная волна накатила на меня с новой силой. Проходя мимо стола с остатками обеда, я увидел единственное украшение этого убогого жилища – надтреснутую вазу с великолепным букетом гвоздик. Чтобы перевести дух, я уткнулся лицом в их благоуханную свежесть.

Кон одарил меня одобрительным взглядом.

– Хороши, а? Хозяйка в «Лаврах» позволяет мне брать домой хоть цветы, хоть что там еще, а гвоздики – они самые мои любимые.

– И делают вам честь! – искренне похвалил я, все еще пряча нос среди душистых лепестков.

– Так-то так, – произнес он задумчиво, – только вот радости мне от них меньше, чем вам.

– Почему же, Кон?

Он попытался трубкой.

– Замечали, небось, как я говорю? Не по-человечески вроде?

– Да нет... нет... нисколько.

– Что уж там! Это у меня с детства так. Вырезали мне полипы, ну и подпортили малость.

– Вот как...

– Оно, конечно, пустяки, только кое-чего я лишился.

– Вы хотите сказать, что... – У меня в мозгу забрезжил свет: вот каким образом человек и собака обрели друг друга, вот почему им так хорошо друг с другом и счастливое совместное будущее им обеспечено. Перст судьбы, не иначе.

– Ну да, – грустно закончил старик. – Обоняния у меня нет. Ну прямо никакого.

Только одно живое существо

Недавно я увидел, как полицейский выговаривает угрюмому оборвышу, и мне вспомнился Уэсли Бинкс и тот случай, когда он сунул шутиху в щель для писем. Я побежал на звонок по темному коридору, и тут она взорвалась у самых моих ног, так что я от неожиданности просто взвился в воздух.

Распахнув дверь, я посмотрел по сторонам. Улица была пуста, но на углу, где фонарь отражался в витрине Робсона, мелькнула неясная фигура, и до меня донеслись отголоски ехидного смеха. Сделать я ничего не мог, хотя и знал, что где-то там прячется Уэсли Бинкс.

Я уныло вернулся в дом. Почему этот паренек с таким упорством допекает меня? Чем я мог так досадить десятилетнему мальчишке? Я никогда его не обижал, и тем не менее он явно вел против меня продуманную кампанию.

Впрочем, тут, возможно, не было ничего личного. В его глазах я символизировал власть, установленный порядок вещей – или же просто оказался удобным объектом.

Бесспорно, я был прямо-таки создан для его излюбленной шуточки со звонком: ведь не пойти открывать я не мог – а вдруг это клиент? От приемной и от операционной до прихожей было очень далеко, и он знал, что всегда успеет удрать. К тому же он иногда заставлял меня спускаться из нашей квартирке под самой крышей. И как было не вспылить, если, проделав длиннейший путь до входной двери и открыв ее, я видел только гримасничающего мальчишку, который злорадно приплясывал на безопасном расстоянии!

Иногда он менял тактику и просовывал в щель для писем всякий мусор, или обрывал цветы, которые мы выращивали в крохотном палисаднике, или писал мелом на моей машине всякие слова.

Я знал, что, кроме меня, есть и другие жертвы. Мне приходилось слышать их жалобы: хозяина фруктовой лавки, чьи яблоки исчезали из ящика в витрине, бакалейщика, против воли угощавшего его печеньем.

Да, бесспорно, он был городской язвой, и непонятно, почему его нарекли в честь Уэсли, добродетельнейшего основателя методизма. В его воспитании явно не проглядывало никаких следов методистских заповедей. Впрочем, о его семье я ничего не знал. Жил он в беднейшей части Дарроуби, во «дворах», где теснились ветхие домишки, многие из которых стояли пустыми, потому что могли вот-вот рухнуть.

Я часто видел, как он бродит по лугам и проселкам или удит рыбу в тихих речных заводях в то время, когда должен был бы сидеть в школе на уроках. Стоило ему заметить меня, как он выкрикивал ядовитую насмешку, и, если с ним были приятели, все они покатывались от хохота. Неприятно, конечно, но я напоминал себе, что ничего личного тут нет – просто я взрослый, и этого достаточно.

Решающую победу Уэсли, бесспорно, одержал в тот день, когда снял защитную решетку с люка нашего угольного подвала. Она находилась слева от входной двери, а под ней был крутой скат, по которому в подвал ссыпали уголь из мешков.

Не знаю, была ли это случайность или тонкий расчет, но решетку он убрал в день местного праздника. Торжества начинались шествием через весь городок, и во главе шел Серебряный оркестр, приглашавшийся из Хоултона.

Выглянув в окно нашей квартирке, я увидел, что шествие выстраивается на улице внизу.

– Погляди-ка, Хелен, – сказал я. – Они, по-видимому, пойдут отсюда. Там полно знакомых лиц.

Хелен нагнулась через мое плечо, разглядывая длинные шеренги школьников, школьниц и ветеранов. На тротуарах теснилось чуть ли не все население городка.

– Очень интересно! Давай спустимся и посмотрим, как они пойдут.

Мы сбежали по длинным лестничным маршам, и вслед за ней я вышел на крыльцо. И тут же оказался центром общего внимания. Зрителям на тротуарах представилась возможность в ожидании шествия поглазеть на что-то еще. Младшие школьники принялись махать мне из стройных рядов, люди вокруг и на противоположной стороне улицы улыбались и кивали.

Я без труда догадывался об их мыслях: «А вон из дома вышел новый ветеринар. Он на днях женился. Вон его хозяйка рядом с ним».

Меня охватило удивительно приятное чувство. Не знаю, все ли молодые мужья его испытывают, но в те первые месяцы меня не оставляло ощущение тихой и прочной радости. И я гордился тем, что я «новый ветеринар» и стал в городке своим. На доме, как символ значимости, висела дощечка с моей фамилией. Теперь я прочно стоял на ногах, я получил признание!

Поглядывая по сторонам, я отвечал на приветствия легкими, полными достоинства улыбками или любезно помахивал рукой, точно особа королевской крови во время торжественного выезда. Но тут я заметил, что мешаю Хелен смотреть, а потому сделал шаг влево, ступил на исчезнувшую решетку – и изящно скатился в подвал.

Эффектнее было бы сказать, что я внезапно исчез из виду, словно земля разверзлась и поглотила меня. Но к большому моему сожалению, этого не случилось. Тогда я просто отсиделся бы в подвале и был бы избавлен от дальнейших испытаний. Увы, скат оказался коротким, и мои голова и плечи остались торчать над тротуаром.

Мое маленькое злоключение вызвало огромное оживление среди зрителей. Шествие было на время забыто. На некоторых лицах отразилась тревога, но вскоре хохот стал всеобщим. Взрослые хватались друг за друга, а младшие школьники, расстроив ряды, буквально валились с ног, и распорядители тщетно пытались восстановить порядок.

Я парализовал и музыкантов Серебряного оркестра, которые уже подносили к губам мундштуки своих труб, чтобы дать сигнал к выступлению. Им на время пришлось отказаться от этой идеи: вряд ли хоть у кого-нибудь хватило бы сил подуть даже в детскую свистульку.

Собственно говоря, на свет божий меня извлекли именно два музыканта, подхватив под мышки. А моя жена, вместо того чтобы протянуть мне руку помощи, изнемогала от смеха под моим укоризненным взглядом у дверного косяка, утирая глаза платочком.

Что произошло, я понял, когда вновь достиг уровня тротуара и начал с небрежным видом отряхивать брюки от угольной пыли. Вот тут я и увидел Уэсли Бинкса: согнувшись от хохота в три погибели, он показывал пальцем на меня и на угольный люк. Он был совсем близко в толпе зрителей, и я впервые мог как следует рассмотреть злобного бесенка, который так меня допекал. Наверное, я бессознательно шагнул в его сторону, потому что он мгновенно исчез в толпе, ухмыльнувшись напоследок по моему адресу.

Вечером я спросил про него у Хелен. Но она знала только, что отец Уэсли бросил семью, когда мальчику было лет шесть, а его мать потом снова вышла замуж и он живет с ней и отчимом.

По странному стечению обстоятельств мне вскоре представился случай познакомиться с ним поближе. Примерно неделю спустя после моего падения в угольный подвал, когда рана, нанесенная моему самолюбию, еще не зажила, я, заглянув в приемную, увидел, что там в одиночестве сидит Уэсли, то есть в одиночестве, если не считать тощей черной собачонки у него на коленях.

Я просто не поверил своим глазам. Сколько раз отшлифовывал я фразы, приготовленные именно на этот случай! Однако из-за собаки я сдержался: если ему требовалась моя профессиональная помощь, я не имел права начинать с нотаций. Может быть, потом...

Я надел белый халат и вышел к нему.

– Чем могу служить? – спросил я холодно.

Мальчик встал, и выражение вызова на его лице, смешанного с отчаянием, говорило о том, чего ему стоило прийти сюда.

– С собакой у меня неладно, – буркнул он.

– Хорошо. Неси ее сюда.

Я пошел впереди него в смотровую.

– Пожалуйста, положи ее на стол, – сказал я и, пока он укладывал собачонку на столе, решил, что не стоит упускать случай. Осматривая собаку, я небрежно коснусь недавних событий. Нет, никаких упреков, никаких язвительных уколов, а просто спокойный разбор ситуации. И я уже собрался сказать: «Почему ты все время устраиваешь мне пакости?» – но взглянул на собаку, и все остальное вылетело у меня из головы.

Собственно, это был полувзрослый щенок самых смешанных кровей. Свою черную глянцевою шерсть он, наверное, получил от ньюфаундленда, а острый нос и небольшие вздернутые уши говорили, что среди его предков присутствовал терьер, но длинный, тонкий, как веревочка, хвост и кривые передние ноги поставили меня в тупик. Тем не менее он был очень симпатичным, с доброй выразительной мордочкой.

Но все мое внимание поглотили желтые комочки гноя в уголках его глаз и гнойная слизь, текущая из носа. И боязнь света: болезненно зажмурившись, песик отвернулся от окна.

Классический случай собачьей чумы определить очень просто, но удовлетворения при этом не испытываешь ни малейшего.

– А я и не знал, что ты обзавелся щенком. Давно он у тебя?

– С месяц. Один парень спер его из живодерни в Хартингтоне и продал мне.

– Ах так! – Я смерил температуру и нисколько не удивился, увидев, что столбик ртути поднялся до сорока градусов.

– Сколько ему?

– Девять месяцев.

Я кивнул – самый скверный возраст.

И начал задавать все положенные вопросы, хотя знал ответы заранее. Да, последние недели песик вроде бы поприших. Да нет, не болел, а как-то заскучал и иногда кашлял. Ну и разумеется, мальчик забеспокоился и принес его ко мне, только когда начались гнойные выделения из глаз и носа. Именно на этой стадии нам обычно и доводится осматривать чумных животных – когда уже поздно.

Уэсли отвечал настороженно и насупленно поглядывал на меня, словно в любую секунду ожидал получить затрещину. Но теперь, когда я рассмотрел его поближе, моя враждебность быстро рассеялась. Адский бесенок оказался просто ребенком, до которого никому не было дела. Грязный свитер с протертыми локтями, обтрепанные шорты и кисловатый запах детского, давно не мытого тела, который особенно меня ужаснул. Мне и в голову не приходило, что в Дарроуби могут быть такие дети.

Кончив отвечать мне, он собрался с духом и выпалил свой вопрос:

– Что с ним такое?

После некоторого колебания я ответил:

– У него чума, Уэс.

– Это что же?

– Тяжелая заразная болезнь. Наверное, он подхватил ее у другой, уже больной собаки.

– А он выздоровеет?

– Будем надеяться. Я сделаю все, что можно. – У меня не хватило мужества сказать мальчику, что его четвероногий друг, скорее всего, погибнет.

Я набрал в шприц мактериновую смесь, которую мы тогда применяли при чуме от возможных осложнений. Большого проку от нее не было, но ведь и теперь со всеми нашими антибиотиками мы почти не можем повлиять на окончательный исход. Если удастся захватить болезнь на ранней стадии, инъекция гипериммунной сыворотки может дать полное излечение, но хозяева собак редко обращаются к ветеринару так рано.

От укола щенок заскулил, и мальчик ласково его погладил.

– Не бойся, Принц, – сказал он.

– Значит, ты его так назвал? Принцем?

– Ну да. – Он потрепал шелковистые уши, а песик повернулся, взмахнул нелепым хвостом-веревочкой и быстро лизнул его пальцы. Уэс улыбнулся, поглядел на меня, и вдруг с чумазого лица исчезла угрюмая маска, а в темных ожесточенных глазах я прочел выражение восторженной радости. Я выругался про себя: значит, будет еще тяжелее.

Я отсыпал в коробочку борной кислоты и протянул ее мальчику.

– Растворяй в воде и промывай ему глаза и нос. Видишь, ноздри у него совсем запеклись. Ему сразу станет полегче.

Уэс молча взял коробочку и почти тем же движением положил на стол три с половиной шиллинга – наш обычный гонорар за консультацию.

– А когда мне с ним опять прийти?

Я нерешительно посмотрел на мальчика. Конечно, можно было повторить инъекцию, но что она даст? Он истолковал мои колебания по-своему.

– Я заплачу! – воскликнул он. – Я заработаю сколько нужно!

– Да нет, Уэс. Я просто прикидывал, когда будет удобнее. Как насчет четверга?

Он радостно закивал и ушел.

Дезинфицируя стол, я испытывал гнетущее чувство беспомощности. Современный ветеринар реже сталкивается с собачьей чумой просто потому, что теперь люди стараются сделать щенку предохранительные прививки как можно раньше. Но в тридцатые годы такие счастливы среди собак были редкостью. Чуму легко предупредить, но почти невозможно вылечить.

За следующие три недели Уэсли Бинкс преобразился самым волшебным образом. У него уже была прочная репутация заядлого бездельника, теперь же он стал образцом трудолюбия и усердия – разносил газеты по утрам, вскапывал огороды, помогал гуртовщикам гнать скот на рынок. Но вероятно, только я знал, что делает он все это ради Принца.

Каждые два-три дня он являлся со щенком на прием и платил с щепетильной точностью. Разумеется, я брал с него чисто символическую сумму, но все остальные его деньги тоже уходили на Принца – на свежее мясо, молоко и сухарики.

– Принц сегодня выглядит настоящим щеголем, – сказал я, когда Уэс пришел в очередной раз. – А, да ты купил ему новый ошейник с поводком?

Мальчик застенчиво кивнул и напряженно посмотрел на меня.

– Ему лучше?

– Не лучше и не хуже, Уэс. Такая уж это болезнь – тянется и тянется без особых перемен.

– А когда... Вы это заметите?

Я задумался. Может быть, ему станет легче, если он поймет настоящее положение вещей.

– Видишь ли, дело обстоит так: Принц поправится, если ему удастся избежать нервных осложнений.

– А это что?

– Припадки, паралич и еще хорея – когда мышцы сами дергаются.

– Ну а если они начнутся?

– Тогда худо. Но ведь осложнения бывают не всегда. – Я попытался ободряюще улыбнуться. – И у Принца есть одно преимущество: он полукровка. У собак смешанных пород есть такая штука – гибридная стойкость, которая помогает им бороться с болезнями. Он же ест неплохо и не куксится, верно?

– Ага!

– Ну так будем продолжать. Сейчас я сделаю ему еще одну инъекцию.

Мальчик вернулся через три дня, и по его лицу я догадался, что ему не терпится сообщить замечательную новость.

– Принцу куда лучше! Глаза и нос у него совсем сухие, а ест что твоя лошадь! – Он даже задышался от волнения.

Я поднял щенка на стол. Да, действительно, он выглядел намного лучше, и я постарался поддержать ликующий тон.

– Просто замечательно, Уэс! – сказал я, но на душе у меня было беспокойно: если начнет развиваться нервная форма, то именно сейчас, когда собака как будто пошла на поправку. Я отогнал эту мысль. – Ну, раз так, вам можно больше сюда не ходить, но внимательно следи за ним и, чуть заметишь что-нибудь необычное, сразу же води его ко мне.

Маленький оборвыш сиял от восторга. Он буквально приплясывал в коридоре, а я в глубине души надеялся, что больше его и Принца не увижу.

Это произошло в пятницу вечером, а в понедельник вся история уже отодвинулась в прошлое, в категорию приятных воспоминаний. Но тут в приемную вошел Уэс, ведя на поводке Принца. Я сидел за письменным столом и заполнял еженедельник.

– Что случилось, Уэс? – спросил я, поднимая голову.

– Его дергает.

Я не пошел с ним в смотровую, а тут же сел на пол и стал вглядываться в щенка. Сначала я ничего не обнаружил, но потом заметил, что голова у него чуть-чуть подрагивает. Я положил ладонь ему между ушами и выждал. Да, вот оно – очень легкое, не непрерывное подергивание височных мышц, которого я так опасался.

– Боюсь, у него хорей, Уэс, – сказал я.

– А это что?

– Помнишь, я тебе говорил. Иногда ее называют пляской святого Витта. Я надеялся, что у него она не начнется.

Мальчик неожиданно стал очень маленьким, очень беззащитным. Он стоял понурившись и вертел в пальцах новый поводок. Заговорить ему было так трудно, что он даже закрыл глаза.

– Он что, умрет?

– Иногда собаки выздоравливают от хореи, Уэс. – Но я не сказал ему, что сам видел только один такой случай. – У меня есть таблетки, которые могут ему помочь. Сейчас я тебе их дам.

Я отсыпал ему горсть таблеток с мышьяком, которые давал той единственной вылеченной мной собаке. Я даже не был уверен, что ей помогли именно они. Но никакого другого средства все равно не было. Следующие две недели хорей у Принца протекала точно по учебнику. Все, чего я так боялся, происходило с беспощадной последовательностью. Подергивание распространилось с головы на конечности, потом при ходьбе он начал вилять задом.

Уэсли чуть ли не каждый день приводил его ко мне, и я что-то делал, одновременно стараясь показать, что положение безнадежно. Но мальчик упрямо не отступал. Он с еще большей энергией разносил газеты, брался за любую работу и обязательно мне платил, хотя я не хотел брать денег. Потом он пришел один.

– Принца я не привел, – пробормотал он. – Он ходить не может. Вы бы не съездили посмотреть его?

Мы сели в машину. Было воскресенье, и, как всегда, к трем часам улицы обезлюдели. Уэс провел меня через мощный булыжником двор и открыл дверь. В нос ударил душный запах. Сельский ветеринар быстро отучается от безразличия, и все-таки меня затошнило. Миссис Бинкс, неряшливая толстуха в каком-то бесформенном балахоне, с сигаретой во рту читала журнал, положив его на кухонном столе между грудками грязных тарелок, и только тряхнула папиюотками, когда мы вошли.

На кушетке под окном храпел ее муж, от которого разило пивом. Раковину, тоже зава-
ленную грязной посудой, покрывал какой-то отвратительный зеленый налет. На полу валялись
газеты, одежда и разный непонятный хлам, и над всем этим в полную мощь гремело радио.

Чистой и новой здесь была только собачья корзинка в углу. Я прошел туда и нагнулся над щенком. Принц бессильно вытянулся, его исхудавшее тело непрерывно дергалось. Ввалившиеся глаза, вновь залитые гноем, безучастно смотрели прямо перед собой.

– Уэс, – сказал я, – его лучше усыпить.

Он ничего не ответил, а режущее радио заглушало мои слова, когда я попытался объяснить. Я повернулся к его матери.

– Вы не могли бы выключить радио?

Она кивнула сыну, он подошел к приемнику и повернул ручку. В наступившей тишине я сказал Уэсли:

– Поверь мне, ничего другого не остается. Нельзя же допустить, чтобы он вот так мучился, пока не умрет.

Мальчик даже не посмотрел на меня, его взгляд был устремлен на щенка. Потом он поднес руку к лицу, и я услышал тихий шепот:

– Ладно...

Я побежал в машину за нембуталом.

– Не бойся, ему совсем не будет больно, – сказал я, наполняя шприц. И действительно, щенок только глубоко вздохнул. Потом он вытянулся, и роковая дрожь утихла навсегда. Я положил шприц в карман.

– Я его заберу, Уэс?

Он поглядел на меня непонимающими глазами, но тут вмешалась его мать:

– Забирайте, забирайте его! Я с самого начала не хотела эту дрянь в дом пускать! – И она снова погрузилась в свой журнал.

Я быстро поднял обмякшее тельце и вышел. Уэс вышел следом за мной и смотрел, как я бережно кладу Принца в багажник, на мой черный сложенный халат. Когда я захлопнул крышку, он прижал кулаки к глазам и весь затрясся от рыданий. Я обнял его за плечи, и, пока он плакал, прижавшись ко мне, я подумал, что, наверное, ему еще никогда не приходилось плакать вот так – как плачут дети, когда их есть кому утешать.

Но вскоре он отодвинулся и размазал слезы по грязным щекам.

– Ты вернешься домой, Уэс? – спросил я.

Он замигал и взглянул на меня с прежним хмурым выражением.

– Не-а, – ответил он, повернулся и зашагал через улицу. Я смотрел, как он, не оглянувшись, перелез через ограду и побрел по лугу к реке.

И мне почудилось, что я вижу, как он возвращается к своему прежнему существованию. С тех пор он уже не разносил газет и никому не помогал в огороде. Меня он больше не допекал, но поведение его становилось все более ожесточенным. Он поджигал сараи, был арестован за кражу, а в тринадцать лет начал угонять автомобили.

В конце концов его отправили в специальную школу, и он навсегда исчез из наших краев. Никто не знал, что с ним случилось, и почти все забыли его. Среди тех, кто не забыл, был наш полицейский.

– Этот парнишка, Уэсли Бинкс, помните? – как-то сказал он мне задумчиво. – Второго такого закоренелого я еще не встречал. По-моему, он в жизни никого и ничего не любил. Ни единого живого существа.

– Я понимаю вас, – ответил я. – Но вы не вполне правы. Было одно живое существо...

Отрава

Тристан не пожал бы лавров ни на одном кулинарном конкурсе.

В Королевских ВВС мы питались лучше, чем большинство людей в воевавшей Британии, но и тамошний стол не шел ни в какое сравнение с тем, что мы ели в Дарроуби. Конечно, я был избалован – сначала миссис Холл, а потом Хелен. В Скелдейл-хаусе мы ели по-царски, за исключением редчайших случаев, как, например, в тот единственный раз, когда Тристан был временно возведен в повара.

Все началось как-то утром за завтраком (я тогда еще был не женат). Мы с Тристаном заняли наши места за обеденным столом красного дерева; влетел Зигфрид, невнятно поздоровался с нами и налил себе кофе. В какой-то странной рассеянности он намазал маслом ломтик жареного хлеба, подцепил вилкой кусочек жареной грудинки, начал задумчиво его пережевывать и вдруг хлопнул ладонью по столу с таким треском, что я подпрыгнул.

– Вот-вот! – крикнул он.

– Что «вот»? – осведомился я.

Зигфрид положил нож и вилку и назидательно погрозил мне пальцем.

– Довольно-таки глупо. Я сижу ломаю голову, как же быть, а выход – вот он.

– Да что случилось?

– Миссис Холл! – ответил он. – Она только что предупредила меня, что едет ухаживать за больной сестрой. Вернется примерно через неделю, и я все думал, кому пока поручить хозяйство.

– Понятно!

– И тут меня осенило! – Он отрезал кусок яичницы. – Этим займется Тристан.

– А? – Его брат удивленно оторвал взгляд от своей «Дейли миррор». – Я?

– Да, ты! Ты только и знаешь, что задницу просиживать. Можешь и поработать немножко. Тебе это будет полезно.

Тристан настороженно поглядел на брата.

– В каком смысле – поработать?

– Поддерживать в доме порядок, – ответил Зигфрид. – Я не требую ничего особенного: будешь заниматься уборкой и, конечно, готовить.

– Готовить?

– Вот именно. – Зигфрид сурово поглядел на него. – Ты ведь способен приготовить обед?

– Ну... э... да. Я могу приготовить сосиски с пюре.

– Ну вот и прекрасно. – Зигфрид удовлетворенно кивнул. – И никаких трудностей. Джеймс, будьте добры, передайте тушеные помидоры.

Я молча подал ему салатницу. Собственно, все это время я слушал вполуха и размышлял о своем. Перед самым завтраком мне позвонил Кен Биллингс, один из лучших наших клиентов, и его слова все еще отдавались у меня в голове: «Мистер Хэрриот, теленок, которого вы вчера смотрели, издох. Третий за неделю. Просто ум за разум заходит. Вы бы приехали сейчас, поглядели бы еще разок, какая может быть причина».

Я рассеянно допивал кофе. Не только у него ум за разум заходил. У троих отличных телят появились признаки острых желудочных болей. Я дал им лекарство, а они сдохли. Достаточно скверно! Но куда хуже было то, что я даже не представлял себе, почему так произошло.

Я вытер губы и торопливо встал.

– Зигфрид, я хотел бы начать с Биллингса. А потом побываю у тех, кого вы мне дали.

– Разумеется, Джеймс, как считаете нужным. – Мой патрон одарил меня ласковой ослепительной улыбкой, положил шляпку гриба на кусочек хлеба и, смакуя, отправил в рот. Он не был гурманом, но завтракал всегда со вкусом.

Всю дорогу я думал, думал, думал... Чего еще я не сделал? Что упустил? В подобных неясных случаях естественнее всего предположить, что животное съело что-то вредное. Сколько часов я провел, бродя по пастбищам, проверяя, нет ли там ядовитых растений! Но телятам мистера Биллингса это не помогло бы: они даже не знали, что такое пастбище, им ведь еще не исполнилось и месяца.

Я провел вскрытие погибших животных, но обнаружил только гастроэнтерит неясного происхождения. Почки я отослал в лабораторию для проверки на свинец – и получил отрицательный ответ. У меня, как и у их владельца, действительно ум за разум заходил.

Мистер Биллингс ждал во дворе.

– Хорошо, что я вам позвонил! – торопливо сказал он. – Еще у одного началось.

Мы с ним кинулись в телятник, и я увидел именно то, чего ожидал и страшился: маленький теленок пытался брыкнуть себя в живот, ложился, вскакивал, иногда катался по подстилке. Типичная боль в желудке. Но отчего?

Я внимательно осмотрел его, как прежде тех, других. Температура нормальная, в легких чисто, только атония рубца и резко выраженная болевая чувствительность при пальпации живота.

Я укладывал термометр в футляр, когда теленок рухнул на пол и забился в судорогах. На губах у него выступила пена. Я поспешно сделал инъекции успокаивающих препаратов и магнелии кальция, но с ощущением полной безнадежности. Все это я уже испытал раньше.

– Так что же это, черт подери? – спросил фермер, словно читая мои мысли.

Я пожал плечами:

– Острый гастрит, мистер Биллингс, но причины я не знаю. Хотя могу поклясться, что этот теленок проглотил какое-то едкое ядовитое вещество.

– Так я же ничего им не даю, кроме молока да горстки орехов. – Фермер уныло развел руками. – Неоткуда им что-нибудь вредное взять.

И еще раз я безнадежно начал осматривать телятник в поисках хоть чего-нибудь, что могло бы объяснить гибель его обитателей. Жестянка из-под краски, лопнувший пакет химикалий для промывки овечьей шерсти – просто поразительно, на что только не натыкаешься в коровниках и конюшнях!

Но не у мистера Биллингса. Он был сама чистоплотность и аккуратность, особенно во всем, что касалось телят, и ни на подоконниках, ни на полках не было ничего лишнего, опасного или просто забытого. И ведра, в которых телятам давали молоко, каждый раз отмывались и начищались до блеска. Телята были слабостью мистера Биллингса. Двое его сыновей-подростков увлеченно работали на ферме, и он старался предоставить им побольше самостоятельности. Но телят всегда кормил сам.

«Выкармливать телят – это в скотоводстве самое главное, – говаривал он. – Тут все первый месяц решает: если хорошо пройдет, значит полдела сделано».

И опыта ему было не занимать. Его питомцы никогда не страдали обычными болезнями молодняка: ни гастроэнтеритов, ни пневмоний, ни рахита. Я всегда поражался его успехам, но как раз поэтому нынешняя катастрофа воспринималась еще тяжелее.

– Ну ладно, – сказал я на прощание с притворным оптимизмом. – Может быть, у этого обойдется. Утром позвоните мне.

Все время объезда настроение у меня оставалось мрачным, и за обедом мои мысли были так далеко, что я не сразу понял, почему на стол подает Тристан. Отъезд миссис Холл совершенно вылетел у меня из головы. Впрочем, сосиски с пюре оказались совсем недурны, а Тристан накладывал их щедрой рукой. Мы все трое очистили тарелки до блеска: утро для ветеринара – самое рабочее время, и к середине дня меня начинал терзать волчий голод.

До вечера я продолжал ломать голову над таинственной гибелью телят мистера Биллингса, а потому как-то не обратил внимания, что ужинаем мы снова сосисками с пюре.

– То же самое, а? – буркнул Зигфрид, но съел свою порцию и вышел из-за стола, не сказав больше ни слова.

Следующий день начался скверно. Когда я спустился в столовую, завтрак еще не был подан, и Зигфрид нетерпеливо расхаживал по комнате.

– Где завтрак, черт побери? – взорвался он. – И где, черт побери, Тристан? – Он ринулся в коридор, и через несколько секунд из кухни донеслись крики: – Тристан! Тристан!

Я знал, что он напрасно тратит время и энергию: его брат частенько вставал поздно. Просто сегодня это было особенно заметно.

Мой патрон яростным галопом промчался назад по коридору, и я стиснул зубы, ожидая очередного скандала, едва он вытащит младшего брата из постели. Но по обыкновению, хозяином положения оказался Тристан. Только Зигфрид кинулся вверх по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки, как на верхней площадке показался виновник всех этих треволнений, невозмутимо завязывавший галстук. Просто колдовство какое-то! Он почти никогда не вставал вовремя, но захватить его под одеялом удавалось очень редко.

– Извините, ребята, – прожурчал он. – Боюсь, я немножко проспал.

– Очень мило! – возопил Зигфрид. – Но где завтрак? Я же поручил тебе вести дом!

Тристан был само раскаяние.

– От всего сердца прошу прощения. Но я вчера допоздна чистил картошку.

Лицо Зигфрида налилось кровью.

– Как бы не так! – рявкнул он. – Ты взялся за нее, только когда «Гуртовщики» закрылись!

– Ну и что же? – Тристан сглотнул, и на его лице появилось знакомое мне выражение оскорбленного достоинства. – Да, у меня вчера к вечеру пересохло в горле. Наверное, потому, что я без конца подметал и вытирал пыль.

Зигфрид ничего не ответил. Метнув в брата испепеляющий взгляд, он повернулся ко мне.

– Придется обойтись хлебом с джемом. Идемте на кухню, Джеймс...

Его перебил пронзительный телефонный звонок. Я взял трубку, прижал ее к уху, и Зигфрид остановился как вкопанный, – наверное, такое у меня стало лицо.

– Что случилось, Джеймс? – спросил он, когда я отошел от телефона. – У вас такой вид, словно вас лошадь лягнула в солнечное сплетение.

– Вот именно. – Я кивнул. – Вчерашний теленок у Биллингса издыхает, и уже заболел новый. Вы не могли бы съездить со мной туда, Зигфрид?

Зигфрид стоял и смотрел через перегородку на теленка. Теленок, казалось, никак не мог найти себе места: он вскакивал, ложился, брыкался, словно отгоняя невидимую боль, вертел крупом из стороны в сторону. А потом упал на бок и задергал всеми четырьмя ногами.

– Джеймс, – негромко сказал мой патрон, – он отравился.

– Я и сам так думаю. Но каким образом?

Мистер Биллингс не выдержал.

– Напрасно вы это говорите, мистер Фарнон. Мы все тут пересмотрели, и не один раз. Нечем им было травиться.

– Ну, посмотрим заново.

Зигфрид обошел телятник, как уже обходил его я, и вернулся. Его лицо ничего не выражало.

– У кого вы покупаете орехи? – буркнул он, разламывая аккуратный кубик между пальцами.

Мистер Биллингс развел руками.

– У Райдерсов. Лучшие. Уж они-то тут ни при чем!

Зигфрид промолчал. Райдерсы славились тщательностью изготовления кормов. Он выслушал нашего пациента с помощью стетоскопа, измерил ему температуру, потыкал пальцами в волосатую брюшную стенку, невозмутимо вглядываясь в мордочку, чтобы проверить

реакцию. Затем он проделал все это с моим вчерашним больным, чьи стекленеющие глаза и похолодевшие конечности неумолимо говорили об ожидающей его судьбе. Потом Зигфрид сделал обоим телятам те же инъекции, какие делал я, и мы уехали.

Сначала он молчал, но когда мы проехали около полумили, он внезапно ударил ладонью по рулевому колесу.

– Это какой-то минеральный яд, Джеймс. Тут сомнений никаких нет. Но черт меня побери, если я понимаю, как он попадает к ним в желудок!

Возня с телятами заняла много времени, и мы сразу поехали в Скелдейл-хаус обедать. Как и я, Зигфрид был поглощен загадкой телят мистера Биллингса и даже не поморщился, когда Тристан поставил перед ним дымящуюся тарелку сосисок с пюре. Но затем он погрузил вилку в пюре и словно очнулся.

– Господи! – воскликнул он. – Опять то же самое?

Тристан умиротворяюще улыбнулся:

– Ну да! Мистер Джонсон заверил меня, что сегодняшняя партия сосисок на редкость удачна. Высший сорт, сказал он.

– Ах так? – Старший брат смерил его угрюмым взглядом. – По-моему, от вчерашних их не отличить. Ужинали сосисками, обедаем сосисками... – Его голос стал громовым, но затем снова понизился. – А, да что там! – пробормотал он и начал вяло ковырять сосиску. Мысль о телятах явно парализовала его силы, и я прекрасно понимал, как он себя чувствует.

Но мой патрон никогда не падал духом надолго, и, когда мы встретились вечером, к нему уже полностью вернулись обычная энергия и оптимизм.

– Признаюсь вам, Джеймс, визит к Биллингсу меня совсем было доконал, – сказал он. – Но с тех пор я посмотрел кое-каких моих пациентов, и все они быстро идут на поправку. Удивительно бодряще это действует. Разрешите, я вам налью?

Он достал бутылку из шкафчика над каминной полкой, налил джин в две стопочки и благодушно посмотрел на брата, который занимался уборкой гостиной.

Тристан усердствовал всюду: елозил щеткой по ковру, расправлял подушки, обмахивал тряпкой все, что подвертывалось под руку. Он вздыхал и побряхтывал – ну прямо верная старая служанка. Для довершения иллюзии ему не хватало только чепчика и передничка с оборками.

Мы допили джин, и Зигфрид погрузился в «Ветеринари рекорд», а из кухни повеяло аппетитными запахами. Около семи Тристан просунул голову в дверь.

– Ужин на столе!

Мой патрон отложил газету, встал и с наслаждением потянулся.

– Отлично. Очень есть хочется.

Я пошел за ним в столовую и чуть было не натолкнулся на него – так внезапно он остановился, ошеломленно глядя на супницу в центре стола.

– Что, опять чертовы сосиски с пюре? – взвыл он.

Тристан помялся.

– Ну... да. Это же очень вкусно.

– Вкусно! Мне эта дрянь уже по ночам снится. Неужели ты не можешь приготовить что-нибудь еще?

– Но я же тебя предупреждал! – Тристан сделал обиженное лицо. – Я же тебя предупреждал, что умею готовить сосиски и пюре.

– Да, предупреждал! – рявкнул его брат. – Но ты не сказал, что умеешь готовить только сосиски и пюре!

Тристан неопределенно пошевелил рукой, и Зигфрид бессильно опустился на стул.

– Ну ладно, – вздохнул он. – Накладывай, и да сжалится над нами Господь!

После первого же глотка Зигфрид прижал руку к животу и испустил тихий стон:

– Нет, это отравка! После недели на такой диете я уже никогда не стану прежним!

Следующий день начался весьма эффектно. Я только что встал с кровати и протягивал руку к халату, когда дом потряс оглушительный взрыв. По коридорам и комнатам, дребезжа стеклами, промчался ураганный ветер, после чего наступила зловещая тишина.

Я выскочил на площадку и столкнулся там с Зигфридом. Он посмотрел на меня выпученными глазами и кинулся вниз.

В кухне на полу среди хаоса кастрюль, тарелок, битых яиц и кусочков грудинки лицом вверх лежал Тристан.

– Что тут происходит? – рявкнул Зигфрид.

Тристан посмотрел на него снизу вверх с легким интересом.

– Право, не знаю. Я затапливал плиту, и вдруг что-то ухнуло.

– Затапливал плиту?..

– Ну да. Я каждое утро мучаюсь. Никакой тяги. По-моему, надо прочистить дымоход. В таких старых домах...

– Это мы знаем! – перебил Зигфрид. – Но что произошло, черт подери?

Тристан приподнялся на локте и сел. Даже в эту минуту, среди мусора на полу, с перепачканной физиономией, он сохранял невозмутимое достоинство.

– Ну, я решил принять меры. – (Его деятельный ум вечно выискивал новые способы сохранения энергии.) Намочил кусок ваты эфиром и бросил в плиту.

– Эфиром?

– Ну да. Он же легко воспламеняется, верно?

– Воспламеняется! – Глаза Зигфрида вылезли на лоб. – Он хуже динамита! Еще счастье, что ты не взорвал весь дом!

Тристан поднялся на ноги и отряхнул брюки.

– Ну ничего. Сейчас займусь завтраком.

– Не надо! – Зигфрид испустил долгий судорожный вздох, подошел к хлебнице, достал булку и начал ее кромсать. – Вон он, на полу, твой завтрак. А к тому времени, когда ты все это уберешь, мы уже уедем. Обойдетесь хлебом всухомятку, Джеймс?

Мы уехали вместе. Зигфрид попросил Кена Биллингса отложить кормление телят до нашего приезда, чтобы мы могли при этом присутствовать.

Ничего хорошего нас там не ждало. Оба теленка сдохли, и на лице фермера было написано глубокое отчаяние.

Зигфрид стиснул зубы, но тут же сделал рукой приглашающий жест.

– Начинайте, мистер Биллингс. Я хочу поглядеть, как они едят.

Орехи подсыпались в кормушку все время, но мы внимательно смотрели, как фермер разлил молоко по ведрам и как телята принялись пить. Бедняга-фермер явно уже смирился с неизбежным и не возлагал на эту затею Зигфрида никаких надежд.

Собственно, и я тоже. Но Зигфрид бродил по телятнику, как леопард, словно готовясь к решительному броску. Он нагибался над телятами, и они поворачивали к нему белые от молока мордочки, но дать ответ на загадку могли не больше, чем я.

Мой взгляд скользнул по длинному ряду станков. В них еще оставалось тридцать с лишним телят, и меня охватило жуткое предчувствие, что таинственная эпидемия скосит их всех. И тут Зигфрид ткнул пальцем в ведро.

– А это что?

Мы с фермером нагнулись и увидели, что в молоке плавает черный кружок.

– Грязюка какая-то, – буркнул мистер Биллингс. – Сейчас вытащу. – И он протянул руку к ведру.

– Нет, позвольте мне! – Зигфрид осторожно выловил черный кружок, стряхнул молоко с пальцев и принялся внимательно рассматривать свою находку.

– Это не просто грязюка, – пробормотал он. – Поглядите, он вдавлен, словно чашечка. – Большим и указательным пальцем он потер край кружка. – Я вам скажу, что это. Это струп. Но откуда?

Он оглядел шею и голову теленка, потрогал один из роговых бугорков и вдруг замер.

– Видите ранку? Теперь понятно, откуда этот струп. – Он примерил черную шапочку, и она плотно прилегла к бугорку.

Фермер пожал плечами:

– Это-то понятно. Я недели две назад их всех обезрожил.

– А как, мистер Биллингс? – мягко спросил Зигфрид.

– Тут мне одну новинку продали: просто мажешь на бугорки – и дело с концом. Куда проще, чем с квасцами возиться.

– А бутылку вы сохранили?

– Угу. Она в доме. Сейчас принесу.

Когда он вернулся, Зигфрид прочел этикетку и протянул бутылку мне.

– Треххлористая сурьма, Джим. Теперь все понятно.

– Но... чего вы нашли-то? – с недоумением спросил фермер.

Зигфрид сочувственно поглядел на него.

– Сурьма – смертельный яд, мистер Биллингс. Да, рога она выжжет, можете не сомневаться. Но если попадет в корм, то...

Фермер широко раскрыл глаза.

– Понятно! А когда они суют голову в ведро, эти штуки туда и сваливаются!

– Вот именно, – согласился Зигфрид. – Или они сдирают струп о стенку ведра. Но давайте займемся остальными.

Мы обошли всех телят, удаляя смертоносные корочки и выскребая бугорки, и когда наконец уехали, то твердо знали, что мучительный, хотя и краткий эпизод с телятами Биллингса остался позади.

Зигфрид положил локти на рулевое колесо и вел машину, подпирая подбородок ладонями. Это была его обычная поза, когда он погружался в задумчивость, но я никак не мог к ней привыкнуть.

– Джеймс, – сказал он, – я никогда ничего подобного не видел. Тема для статьи.

Он был прав: теперь, изложив эту историю тридцать пять лет спустя, я сообразил, что ничего подобного с тех пор не случилось.

В Скелдейл-хаусе мы расстались. Тристан, явно стараясь загладить утреннее происшествие, орудовал шваброй в коридоре с рвением матроса парусного флота. Но едва Зигфрид уехал, как в доме воцарился полный покой, и, когда, собрав все необходимое для предстоящих визитов, я заглянул в гостиную, Тристан возлежал там в своем любимом кресле.

Я вошел и с удивлением увидел на углях в камине кастрюлю с сосисками.

– Что это? – спросил я.

Тристан закурил сигарету, развернул «Дейли миррор» и положил ноги на соседнее кресло.

– Готовлю обед, старина.

– Здесь?!

– Вот именно, Джим. Хватит с меня этой раскаленной плиты. И на кухне даже присесть толком негде. Не говоря уж о расстоянии до нее.

Я смерил взглядом разлегшегося повара.

– О том, что в меню, спрашивать смысла нет?

– Ни малейшего, дружище. – Тристан оторвался от газеты и одарил меня ангельской улыбкой.

Я уже собрался уйти, но в недоумении остановился.

– А где картошка?

– В камине.

– В камине?

– Ну да. Я положил ее печься в золу. Вкус удивительный!

– Ты уверен?

– Ну еще бы, Джим. Вот погоди, ты оценишь мое поварское искусство!

Я вернулся почти в час. В гостиной Тристана не было, но там висел сизый чад, и в ноздри мне ударил запах, словно от костра, на котором жгут палый лист.

Тристана я нашел на кухне. От его светской невозмутимости не осталось и следа: он безнадежно тыкал ножом в угольно-черные шарики. Я уставился на него.

– Что это такое?

– Картошка, Джим, чтоб ее черт побрал! Я немножко вздремнул – и вот полюбуйся!

Он брезгливо разрезал обуглившийся клубень. В самом центре я различил беловатый кружок – единственную предположительно съедобную часть некогда большой картофелины.

– Н-да, Тристан! И что же ты намерен делать?

Он бросил на меня панический взгляд.

– Выковыряю сердку и сделаю пюре. А что еще мне остается?!

Смотреть на это было выше моих сил. Я ушел к себе, умылся, а потом спустился в столовую. Зигфрид уже сидел за столом, и я сразу заметил, что он все еще смакует утренний успех. Он весело кивнул мне.

– Джеймс, а Кен Биллингс подсунил нам хорошую задачку! Приятно, что мы с ней разобрались.

Но улыбка замерла у него на губах. В столовую вошел Тристан и поставил перед нами две супницы. Из одной выглядывали неизбежные сосиски, а в другой покоилась непонятная сероватая масса с многочисленными черными вкраплениями разной величины.

– Во имя всего святого, – зловеще-спокойно осведомился Зигфрид. – Что? Это? Такое?

– Ну... э... картофель... – Тристан откашлялся. – Боюсь, он немножко пригорел.

Мой патрон промолчал. С грозной невозмутимостью он положил себе на тарелку ложку пятнистой смеси, подцепил немного на вилку и начал жевать. Раза два, когда у него на зубах хрустели особенно твердые кусочки угля, он поморщился. Затем закрыл глаза и проглотил. Секунду он сидел неподвижно, потом обеими руками ухватился за живот, застонал и вскочил на ноги.

– Довольно! – загремел он. – Я готов лечить отравленных животных на фермах, но не желаю, чтобы меня пичкали отравой в моем собственном доме! – Он направился к двери, бросив через плечо: – Пойду пообедаю в «Гуртовщиках».

В этот момент его снова передернуло. Он опять прижал ладони к животу и обернулся.

– Вот теперь я понимаю, что испытывали эти несчастные телята!

Велика ли заслуга

Рори держал поросят, а я их кастрировал. Поросят было много, и я торопился, не замечая, что работник, ирландец по происхождению, все больше нервничает. Его молодой хозяин ловил поросят и передавал ему, а он зажимал их между коленями мордочкой вниз и разводил им задние ноги. Я быстро вскрывал мошонку и извлекал яички, чуть-чуть не задевая грубую материю рабочих брюк Рори.

Об этом случае я вспомнил, когда сидел в своей комнате в Сент-Джон-Вуде и читал Справочник ветеринара под редакцией Блэка. Это был том внушительных размеров, не очень уместный в солдатском рюкзаке, и мои друзья в Королевских ВВС любили поддразнивать меня, называя книгу «карманным изданием», но я постоянно штудировал его в свободное время, а словарные статьи напоминали мне о моей настоящей жизни.

Я добрался до буквы «К» и, наткнувшись на слово «кастрация», моментально перенесся памятью к тому дню.

– Ради господи, поосторожнее, мистер Хэрриот! – не выдержал ирландец.

Я удивленно поднял на него глаза.

– В чем дело, Рори?

– Да ваш чертов ножик! Машете им у меня промеж ног, точно чертов индеец! Покалечите меня, как пить дать.

– Да уж поберегитесь, мистер Хэрриот! – воскликнул молодой фермер. – Не охолостите Рори взамен поросенка. Такого его хозяйка вам не спустит!

Он захохотал, ирландец смущенно улыбнулся, а я хихикнул, что мне даром не прошло. Всего секунда невнимания – и скальпель располосовал указательный палец на левой руке.

Мгновенно все вокруг обагрилось моей кровью. Мне никак не удавалось ее унять: бинты сразу промокали, и когда я наконец все-таки наложил повязку, она получилась невообразимо большой и бесформенной – толстенный слой ваты, десятки раз обмотанный самым широким бинтом, какой только отыскался в моем багажнике.

Когда я уехал с фермы, заметно стемнело и в морозном небе загорались звезды, хотя не было еще и пяти часов – в конце декабря солнце заходит рано. Я ехал медленно, и огромный забинтованный палец торчал над рулевым колесом, точно вежа, указывающая путь между лучами фар. До Дарроуби оставалось около полумили, и за голыми ветками придорожных деревьев уже мелькали огни городка, как вдруг из мрака навстречу мне выскочила машина, проехала мимо, затем я услышал визг тормозов, машина остановилась, развернулась и помчалась назад.

Она обогнала меня, свернула на обочину, и я увидел неистово машущую руку. Я остановился; на дороге выскочил молодой человек и побежал ко мне.

Он всунул голову в окно.

– Вы ветеринар? – Молодой человек задыхался, в его голосе звучала паника.

– Да.

– Слава богу! Мы едем в Манчестер и побывали у вас... Нам сказали, что вы поехали этой дорогой... опишите вашу машину. Ради бога, помогите!

– Что случилось?

– Наша собака... На заднем сиденье... У него в горле застрял мяч. Я... мне кажется, он уже задохнулся.

Он еще не договорил, а я уже бежал по шоссе к большому белому автомобилю, из которого доносился плач. На фоне заднего стекла виднелись детские головки.

Я распахнул дверцу и услышал всхлипывания:

– Бенни, Бенни, Бенни!

В темноте я едва различил большую собаку, распростертую на коленях четырех детей.

– Папа, он умер, он умер!

– Его надо вытащить наружу, – сказал я, задыхаясь.

Молодой человек ухватил собаку за передние лапы, а я поддерживал ее снизу, и она без всяких признаков жизни вывалилась на асфальт.

Мои пальцы запутались в густой шерсти.

– Ничего не видно! Помогите мне перенести его к свету!

Мы подтащили безжизненное тело к лучам фар, и я увидел великолепного колли в полном расцвете сил – пасть его была широко раскрыта, язык вывалился, глаза остекленели. Он не дышал.

Молодой человек взглянул на собаку, сжал голову руками и простонал:

– Боже мой, боже мой...

В машине тихо плакала его жена и рыдали дети.

– Бенни... Бенни...

Я схватил его за плечо и закричал:

– Что вы говорили про мяч?

– У него в горле... Я пробовал его вынуть, но ничего не получается, – невнятно бормотал он, не поднимая головы.

Я сунул руку в пасть и сразу нащупал твердый резиновый мяч величиной с теннисный, который застрял в глотке, как пробка, плотно закупорив трахею. Я попытался обхватить его пальцами, но они лишь скользили по мокрой гладкой поверхности – зацепиться было не за что. Секунды через три я понял, что таким способом извлечь мяч невозможно, и, не раздумывая, вытащил руку, завел большие пальцы под челюсти и нажал.

Мяч вылетел из пасти собаки, запрыгал по заиндевелоу асфальту и исчез в траве. Я потрогал роговицу глаза. Никакой реакции. Я опустился на колени, полный мучительного сожаления, – ну что бы им встретить меня чуть-чуть раньше! А теперь – что я могу сделать? Только забрать труп в Скелдейл-хаус. Нельзя же оставлять мертвую собаку у них в машине – им еще столько ехать до Манчестера. Но мне нестерпимо было думать, что я ничем не смог им помочь, и, когда я провел рукой по роскошной шерсти, толстый забинтованный палец качнулся как символ моей никчемности.

Я тупо созерцал этот палец и вдруг ощутил слабое биение там, где край моей ладони упирался в межреберье собаки.

Я выпрямился с хриплым криком:

– Сердце еще бьется! Он жив!

И принялся за работу.

Здесь, во мраке пустынного шоссе, я мог рассчитывать только на собственные силы. В моем распоряжении не было ни стимулирующих средств для инъекций, ни кислородных баллонов, ни зондов. Но каждые три секунды я добрым старым способом нажимал на грудь обеими ладонями, отчаянно желая, чтобы собака задышала, хотя глаза ее по-прежнему глядели в пустоту. Время от времени я принимался дуть ей в горло или щупал между ребрами, стараясь поймать это почти неуловимое биение.

Не могу сказать, что произошло раньше: слабо ли дрогнуло веко, или слегка поднялись ребра, втягивая в легкие ледяной йоркширский воздух. Возможно, это случилось одновременно, но дальше все было как в прекрасном сне. Не знаю, сколько я просидел возле собаки, пока наконец ее дыхание не стало ровным и глубоким. Затем она открыла глаза и попробовала вильнуть хвостом, и тут я вдруг осознал, что совершенно ооченел и прямо-таки примерз к дороге.

С трудом поднявшись и не веря своим глазам, я смотрел, как пес медленно встает на ноги. Хозяин тут же водворил его на заднее сиденье, где он был встречен восторженными воплями.

Но сам молодой человек был словно оглушен. Все время, пока я возился с колли, он не переставая бормотал:

– Вы же просто вытолкнули мяч... просто вытолкнули. Как я-то не сообразил?

Не опомнился он, даже когда повернулся ко мне, прежде чем сесть в машину.

– Не знаю... просто не знаю, как вас благодарить, – сказал он хрипло. – Это же чудо.

На секунду он прислонился к дверце.

– Ну а ваш гонорар? Сколько я вам должен?

Я потер подбородок. Дело обошлось без медикаментов. Потеряно было только время.

– Пять шиллингов, – сказал я, – и никогда больше не позволяйте ему играть таким маленьким мячом.

Молодой человек достал деньги, потряс мне руку и уехал. Его жена, которая так и не вышла из машины, помахала на прощание. Но лучшей наградой было последнее мимолетное видение: детские ручонки, крепко сжимающие собаку в объятиях, и замирающие в темной дали радостные крики:

– Бенни... Бенни... Бенни!

После того как пациент уже выздоровел, ветеринар нередко спрашивает себя, велика ли тут его заслуга. Возможно, животное и само справилось бы с болезнью. Бывает и так. И твердо сказать ничего нельзя.

Но когда, без тени сомнения, знаешь, что отвоевал животное у смерти, пусть даже не прибегая ни к каким хитроумным средствам, это приносит удовлетворение, искупающее все превратности жизни ветеринарного врача.

И все же в спасении Бенни было что-то нереальное. Я даже мельком не видел лиц ни счастливых детей, ни их счастливой матери, съживившейся на переднем сиденье. Отца я, конечно, видел, но он почти все время стоял, обхватив голову руками. Встретившись с ним на улице, я его не узнал бы. Даже собака, залитая резким неестественным светом фар, представлялась мне теперь чем-то призрачным.

Мне кажется, все они чувствовали примерно то же самое. Во всяком случае, через неделю я получил от матери семейства очень милое письмо. Она извинялась за то, что они так бессовестно укатили, благодарила за спасение их любимой собаки, которая теперь как ни в чем не бывало играет с детьми, и в конце выразила сожаление, что даже не спросила моего имени.

Да, это был странный эпизод. Ведь они не только не имели представления, как меня зовут, но наверняка не узнали бы меня, если бы встретили снова.

Собственно говоря, когда я вспоминаю эту историю, ясно и четко в памяти всплывает только мой забинтованный палец, который царил над происходившим, почти обретая собственную индивидуальность. И, судя по тому, как начиналось письмо, они тоже лучше всего запомнили именно его:

«Дорогой ветеринар с забинтованным пальцем...»

Приятно было получить это письмо в то давнее время, но еще приятнее – получить другое совсем недавно. Незвестная мне дама писала, что тот случай повторился с ее собакой, у которой тоже в горле застрял мяч. Она попыталась извлечь его через пасть, но ничего не получилось, и она была уже готова в отчаянии смириться с неизбежным, как вдруг вспомнила эпизод из моей книги и нажала под нижней челюстью. Она благодарила меня за спасение жизни ее собаки, и мне пришло в голову, что мои книги, хотя писались они не как учебники, возможно, таким вот образом выручали и других людей.

Свинья с мусорным бачком на голове

Мое пребывание в Лондоне подходило к концу. Недели предварительного обучения почти закончились, и мы ждали нового назначения в Училище начальной летной подготовки.

В воздухе носились самые разные слухи. Нас отправляли в Эберсвит в Уэльсе, для меня это было слишком далеко от желаемого места, я хотел служить на севере. Потом нас отправляли в Ньюкэй в Корнуолле, а это было еще хуже. Я понимал, что рождение ребенка у младшего пилота Хэрриота не может повлиять на общую военную стратегию, но мне хотелось быть как можно ближе к Хелен.

Время, проведенное в Лондоне, я помню как в тумане. Возможно, потому, что все было так ново и необычно, что память просто не успевала фиксировать все впечатления, а может быть, потому, что большую часть времени я находился в состоянии крайней усталости. Думаю, все мы уставали очень сильно. Немногие из нас привыкли к подъему в шесть утра и постоянной физической активности. Если мы не ходили строем по плацу, то маршировали в столовую, на занятия, на самоподготовку. Я несколько лет не вылезал из машины, и шагистика стала болезненным открытием для моих ног.

Но случались моменты, когда мне становилось интересно: а зачем все это нужно. Я думал, что после короткого курса молодого бойца сяду в самолет и буду учиться летать, но выходило, что это событие откладывается на столь далекое будущее, что о нем даже не упоминали. В УНЛП мы долгие месяцы изучали навигацию, основы летной теории, азбуку Морзе и многое другое.

Когда я сдал экзамен по математике, то возблагодарил фортуны за улыбку. Я всегда считал на пальцах – кстати, и сегодня тоже, – поэтому я так сильно нервничал, что до того, как меня призвали, брал в Дарроуби уроки у курсанта летного училища. Я с ужасом вспоминал школьные дни, когда мне приходилось решать кошмарные задачи про поезда, идущие с разными скоростями, или про воду, которая из одной трубы наливается, а из другой – выливается. Но мне удалось сдать, и теперь я был готов ко всему.

В Лондоне я был неожиданно шокирован некоторыми обстоятельствами. Я и не предполагал, что мне придется целыми днями сидеть, сортируя дерьмо, в грязнейшем свинарнике. Кому-то в голову пришла светлая мысль превратить пищевые отходы Королевских ВВС в свинину и бекон, а трудовых ресурсов было предостаточно. Меня не покидало чувство нереальности происходящего, когда я вместе с другими рвущимися в небо пилотами час за часом разбирали отходы и сливал помои.

К счастью, мое разочарование исчезло в тот день, когда мне пришло новое назначение. Сначала я не поверил ему, настолько оно было хорошим, – я направлялся в Скарборо. Я бывал там и знал, что это милый курорт на берегу моря, но не это обрадовало меня. А тот факт, что город находился в Йоркшире.

Мы строем шли от вокзала по улицам города, и я не мог поверить тому, что снова оказался в своем родном графстве. Но если в душе моей и сохранились еще какие-либо сомнения, то и они немедленно рассеялись, как только я вдохнул хрустящий звонкий воздух. Даже зимой мягкий лондонский воздух совсем не такой. Я прикрыл глаза, наслаждаясь новыми ощущениями в легких.

Напоминаю, было холодно. Йоркшир – холодное место, и я даже сейчас помню, как ошеломило меня наступление первой зимы, которую я провел в Дарроуби.

Выпал первый снег, и я еле полз вверх по склону вслед за лязгающими снегоочистительными машинами между белыми валами по сторонам дороги, пока не добрался до ворот старого мистера Стоукилла. Уже взявшись за ручку дверцы, я посмотрел сквозь ветровое стекло на совсем новый мир: склон подо мною застилало белое одеяло, оно лежало на крышах жилого

дома и служб маленькой фермы. Белая пелена простиралась дальше, скрывая все знакомые приметы пейзажа: каменные стенки между лугами, речку внизу. Все вокруг казалось новым, манящим, загадочным.

Однако упоение сказочной красотой рассеялось, едва я вылез из машины и на меня обрушился свирепый ветер. Он задувал с востока и нес с собой ледяное дыхание Арктики, которое казалось еще холоднее из-за колючей пыли, сорванной с белого снежного покрова. На мне были шуба и шерстяные перчатки, и все-таки ветер пронизал меня до мозга костей. Я ахнул, привалился к машине, застегнул воротник и побрел туда, где скрипела и стучала калитка. Я кое-как открыл ее и пошел дальше, хрустя снегом.

Обогнув коровник, я увидел мистера Стоукилла: он вилами сносил навоз в кучи, и по белизне вились бурые полосы жижи.

– А-а! – пробурчал он, не выпуская изо рта недокуренную сигарету. Ему было за семьдесят, но со всеми делами на своей маленькой ферме он управлялся один. Как-то он рассказывал мне, что тридцать лет батрачил за шесть шиллингов в день и все-таки умудрился скопить деньги на покупку собственного хозяйства. Возможно, поэтому он ревниво хотел все делать сам.

– Как вы, мистер Стоукилл? – спросил я, но в ту же секунду бешеный ветер ударил мне в лицо, забился в рот и нос, и я невольно отвернулся с громким «о-ох!».

Старик с удивлением взглянул на меня, а потом посмотрел по сторонам, точно только сейчас обратил внимание на погоду.

– Да, нынче маленько задувает. – Он оперся на вилы, и из сигареты посыпались искры.

Несмотря на холодную погоду, на нем поверх потрепанного синего жилета, несомненно некогда составлявшего часть его парадного костюма, был натянут только комбинезон из чертовой кожи, а рубашка была без воротничка и запонок. Белая щетина на худом подбородке заставила меня со стыдом вспомнить, что мне всего двадцать четыре года, и я вдруг ощутил себя ничемным городским неженкой.

Старик воткнул вилы в навозную кучу и зашагал к службам.

– У меня нынче есть для вас разная работенка. Сначала вот сюда.

Он открыл дверь, и я с радостью погрузился в сладкое коровье тепло крытого сарая, где несколько косматых бычков стояли по колено в соломе.

– Нам нужен вон тот молодец. – Он указал на темно-рыжего бычка, который стоял, подогнув заднюю ногу. – Он уже пару дней на трех ногах ковыляет. Копытная гниль, не иначе.

Я направился к бычку, но он улепетнул от меня так проворно, словно и не хромал вовсе.

– Придется выгнать его в проход, мистер Стоукилл, – сказал я. – Вы бы не открыли ворота?

Когда тяжелые брусья были отодвинуты, я зашел бычку в тыл и погнал его к проходу. Казалось, он сразу выскочит туда, но в воротах он остановился, поглядел в проход и кинулся обратно. Несколько раз я резво обежал сарай следом за ним и наконец сумел завернуть его к проходу – но с тем же результатом. После пяти-шести попыток я перестал чувствовать холод. Бег вперегонки с бычками – вот лучшее средство для того, чтобы хорошенько пропотеть, и я уже совершенно забыл про суровое снежное царство снаружи. К тому же мне явно предстояло разогреться еще больше, потому что бычок вошел во вкус игры: после каждого моего броска он весело вскидывал ноги и выписывал замысловатые восьмерки.

Упершись руками в бока, я кое-как перевел дух, а потом повернулся к фермеру.

– Ничего не получается, – сказал я. – Он упирается. Лучше бы накинуть на него веревку.

– Незачем, молодой человек. Он у нас сам в ворота пойдет. – Старик проковылял в угол и вернулся с охапкой чистой соломы. Он аккуратно рассыпал ее в воротах и дальше по проходу, а потом кивнул мне. – Ну-ка, погоните его еще раз.

Я ткнул упрямца в круп. Он рысцой направился прямо к воротам и без колебаний выбежал между столбами в проход.

Вероятно, мистер Стоукилл заметил мое удивление.

– Ему, должно быть, булыжники не понравились. А под соломой их и не видать.

– А... да... понимаю! – И я медленно вышел вслед за бычком.

Действительно, у него оказалась копытная гниль – средневековое название влажной гнойно-гнилостной флегмоны, подсказанное тяжелым запахом некротизированной ткани между копытцами, а в те дни в распоряжении ветеринаров еще не было ни антибиотиков, ни сульфаниламидов. Теперь просто делаешь инъекцию, твердо зная, что через день-другой животное исцелится. Но тогда я мог только, с трудом удерживая дергающуюся ногу, замазать инфицированную межкопытную щель вязкой смесью медного купороса с дегтем, наложить вату и туго перебинтовать. Кончив, я снял пиджак и повесил его на гвоздь. Мне было жарко.

Мистер Стоукилл одобрительно оглядел повязку.

– Хорошо, очень хорошо, – объявил он. – Ну а теперь у меня поросятки вон в том закутке животами маются. Вы бы их укололи вашей иглой.

У меня были различные лечебные сыворотки от кишечной палочки, которые иногда помогали в таких случаях, и я, полный оптимизма, вошел в закуток к поросятам. Но тут же стремительно выскочил оттуда, потому что их мамаше не понравилось появление чужака среди ее отпрысков и она ринулась на меня, разинув пасть и испуская звуки, напоминающие хриплый лай. Ростом она мне показалась с хорошего осла, и, когда разверстая пасть с огромными желтыми клыками нацелилась на мое бедро, я счел за благо ретироваться. Пулей вылетев наружу, я захлопнул за собой дверь, а потом задумчиво поглядел в закуток.

– Надо ее оттуда увести, мистер Стоукилл, а то я ничего сделать не смогу.

– Ваша правда, молодой человек. Сейчас я ее уведу.

Он зашаркал прочь, но я протестующе поднял руку.

– Нет-нет, я сам! – Не мог же я допустить, чтобы щуплый старичок вошел туда и, возможно, был сбит с ног, растерзан...

Я поглядел по сторонам в поисках оборонительного оружия. К стене был прислонен выдавший виды широкий совок, и я схватил его.

– Откройте, пожалуйста, дверь, – сказал я. – Сейчас я ее оттуда выдворю.

Войдя в закуток, я выставил совок перед собой и попытался отеснить могучую свинью к двери. Но мои поползновения шлепнуть ее по заду оказались тщетными: как я ни кружил, она все время обращала ко мне разинутую пасть и свирепо урчала. Затем она ухватила совок зубами и начала его грызть. Тут я сдался. Выскочив из закутка, я увидел, что мистер Стоукилл волочит по булыжнику нечто металлическое и объемистое.

– Что это? – спросил я.

– Мусорный бачок, – буркнул фермер.

– Бачок? Но зачем...

Он не задержался для объяснений и прямо вошел в закуток. Свинья ринулась на него, а он подставил ей бачок, в который она с разгона и всунула голову. Согнувшись в три погибели, старик стал теснить ее к открытой двери. Свинья растерялась. Оказавшись вдруг в непонятном темном месте, она, естественно, начала пятиться, и фермеру оставалось только направлять ее отступление. Не успела она понять, что происходит, как оказалась снаружи. Старик невозмутимо сдернул бачок и махнул мне.

– Ну, мистер Хэрриот, теперь вы можете и войти.

Вся эта операция заняла не больше двадцати секунд.

Я почувствовал значительное облегчение, а главное, твердо знал, как действовать дальше. Взяв лист кровельного железа, предусмотрительно приготовленный фермером, я двинулся на поросят. Загоню их в угол, загорожу выход из него листом и в один момент сделаю инъекции.

Но пороссятам передалось возбуждение их мамы. Оporос был удачный, и по закутку, точно миниатюрные скаковые лошади розовой масти, носились шестнадцать пороссят. Долгое время я стремительно бросался на них, стараясь собрать их листом в кучу, но они прыскали в разные стороны от него. Уж не знаю, сколько времени я потратил бы на эту охоту, но тут на мое плечо легла ласковая рука.

– Погодите-ка, молодой человек, не торопитесь! – Старый фермер благожелательно поглядел на меня. – Вы бы перестали за ними гоняться, и они скоро успокоятся. Передохните минутку.

Я стоял рядом с ним, совсем запыхавшись, и слушал, как он увещевает этих чертенят.

– Гись-гись, гись-гись, – бормотал мистер Стоукилл, не делая ни единого движения. – Гись-гись, гись-гись.

Пороссята перешли с галопа на рысцу, а затем, словно по какому-то телепатическому сигналу, все разом остановились, сгрудившись розовой кучкой в углу.

– Гись-гись, – одобрительно произнес мистер Стоукилл, незаметно пододвигаясь к ним с листом наготове. – Гись-гись.

Ровным, неторопливым движением он загородил листом угол с пороссятами и для верности упер в него ногу.

– Ну-ка, нажмите сапогом с той стороны, и уж они не вырвутся, – благодушно произнес он.

Сама инъекция заняла лишь несколько минут. Мистер Стоукилл не сказал: «Ну, кое-чему я вас нынче научил, молодой человек». В его спокойных серых глазах не пряталось ни злорадство, ни самодовольство. Он сказал только:

– Нынче я вас совсем загонял, молодой человек. Теперь поглядите-ка корову. У нее горошина в соске.

В дни ручного доения «горошины» и иные закупорки сосков были частым явлением. Причиной могли быть кусочки молочного камня, крохотные опухоли, повреждения выстилающей ткани соска и еще всякая всячина. Крайне увлекательная, хотя и весьма узкая область, и к корове я направился с живым интересом.

Впрочем, я был еще на некотором расстоянии от нее, когда мистер Стоукилл положил мне ладонь на плечо.

– Погодите, мистер Хэрриот, не трогайте ее пока, не то она вас лягнет. Очень у нее норов подлый. Погодите минутку, я ее привяжу.

– Хорошо, – сказал я, – только веревку дайте мне.

– Да лучше бы я сам... – начал он нерешительно.

– Нет-нет, мистер Стоукилл, не затрудняйтесь. Я отлично знаю, как помешать корове брыкаться, – сказал я сдержанно. – Будьте добры, дайте мне веревку.

– Да ведь... она такая... Брыкается почище лошади. Удойная, это верно, да только...

– Не беспокойтесь, – уронил я с улыбкой. – У меня она не порезвится.

Я начал разматывать веревку. Приятно было показать, что я умею обращаться с животными, хотя диплом получил всего несколько месяцев назад. К тому же не так уж часто нас предупреждают, что корова склонна брыкаться. Однажды корова лягнула меня так, что я отлетел к противоположной стене, а фермер сказал только: «Уж такая у нее привычка».

Да, хорошо, когда тебя предупредили! Я опоясал корову веревкой перед выменем и туго затянул скользящую петлю. Точно так, как нас учили в колледже. Она была рыжей, шортгорнской породы, с косматой головой и, когда я нагнулся, поглядела на меня с задумчивым интересом.

– Ничего-ничего, милуша, – сказал я ласково, подлез под нее и осторожно потянул сосок. Брызнула струйка-другая, и что-то закупорило канал. А, вот она! Довольно-таки большая, но движется свободно. Можно будет выдавить наружу, не разрезая замыкающую мышцу.

Я взялся за сосок покрепче, потянул посильнее, и тотчас раздвоенное копыто ударило меня по колену, как развернувшаяся стальная пружина. Коленная чашечка не приспособлена для того, чтобы ее лягали, и несколько минут я прыгал по коровнику, шепотом ругаясь на чем свет стоит.

Старый фермер виновато ходил за мной.

– Вы уж простите, мистер Хэрриот. Такой у нее подлый нрав. Дайте-ка лучше мне...

Я предостерегающе поднял ладонь.

– Нет, мистер Стоукилл! Я уже надел на нее веревку. Просто затянул недостаточно туго.

Я подковылял к корове, распустил узел, а потом налег на веревку с такой силой, что у меня потемнело в глазах. Когда я кончил, живот у нее приподнялся и она обзавелась талией, словно затянутая в рюмочку модница былых времен.

– Тут уж ты не попляшешь! – буркнул я и снова нагнулся к вымени.

Раза два брызнуло молоко, затем помеха снова закупила выход, и в отверстии показалось что-то беловато-розовое. Еще чуть-чуть нажать, и я выковыряю его иглой от шприца, которую держал наготове. Я вздохнул всей грудью и нажал.

На этот раз копыто впечаталось в лодыжку. Ей уже не удалось поднять его повыше, но боль была такой же отчаянной. Я сел на табуретку для доения, засучил штанину и поглядел на лоскуток кожи, который свисал, точно флажок, у конца длинной ссадины, оставленной копытом.

– Да хватит с вас, молодой человек! – Мистер Стоукилл снял с коровы веревку и сочувственно поглядел на меня. – Обычным манером с ней не совладать. Я же ее дважды в день дою, так уж знаю.

Он принес засаленный плужный ремень, несомненно бывший в частом употреблении, и затянул его на заплюсневом суставе неугомонной коровы. На другом конце ремня был крюк, и старик зацепил его за кольцо, ввинченное в стену. Ремень туго натянулся, сдвинув ногу чуть-чуть назад.

Старик кивнул:

– Вот теперь попробуйте.

Отдавшись на волю судьбы, я снова ухватил сосок. Но корова словно бы поняла, что проиграла, и ни разу даже не пошевелинулась, пока я выдавливал и выковыривал «горошину», которая оказалась молочным камнем. Стояла как миленькая и ничего не могла поделать!

– Спасибо, молодой человек, спасибо вам! – сказал старик. – Какой увесистый! Он мне сильно мешал. А главное, не разобрать было, что это такое. – Он поднял палец. – И последняя для вас работенка. Телушка. Что-то у нее с животом неладно, мне кажется. Видел ее вчера вечером, ее маленько раздуло. Она у меня в сарае.

Я надел шубу, и мы вышли наружу, ветер набросился на нас с ликующей свирепостью. Лицо мне полоснуло как ножом, нос сразу замерз, глаза заслезились, и я укрылся за углом конюшни.

– Где телка? – с трудом выговорил я.

Мистер Стоукилл ответил не сразу. Он закурил сигарету, словно не замечая ярости стихий. Защелкнув крышку старой медной зажигалки, он указал большим пальцем:

– А за дорогой. Вон там.

Я посмотрел в направлении его пальца через занесенные стенки на узкую расчищенную полосу шоссе между белыми валами и на крутой склон, ровная белизна которого уходила к свинцовым тучам. То есть ровная, если не считать крохотного строения, серого каменного пятнышка в поднебесье, где в сотнях футов над нами склон переходил в широкую плоскую вершину.

– Извините, – пробормотал я, все так же прижимаясь к стене. – Я не вижу.

Старик, спокойно стоя лицом к ветру, удивленно взглянул на меня.

– Не видите? Да вон же сарай! Так и торчит!

– Сарай? – Я ткнул дрожащим пальцем. – Вон то строение? И телка там? Да не может быть!

– Там-там. Молодняк я держу повыше.

– Но... но... – Язык отказывался меня слушаться. – Нам же туда не подняться. Снега намело выше пояса.

Он неторопливо выпустил дым из ноздрей.

– Еще как поднимемся, будьте спокойны. Вот погодите чуток.

Он скрылся в конюшне, и, подождав минуту-другую, я заглянул внутрь. Старик седлал толстого каурого жеребчика. Я с удивлением смотрел, как он вывел конька наружу, не без труда влез на ящик и взгромоздился в седло.

Поглядев на меня с этой высоты, он бодро взмахнул рукой.

– Поехали! Вы все с собой нужное взяли?

В полном недоумении я рассовал по карманам бутылку с микстурой от газов, пробойник с гильзой, пакет с препаратом горечавки желтой и стрихнина. А мозг тупо сверлила мысль, что на холм мне никогда не взобраться.

По ту сторону шоссе в снежном валу был прокопан проход, и мистер Стоукилл направил в него конька, а я кое-как плелся следом, уныло поглядывая на бесконечную белую крутизну впереди. Мистер Стоукилл обернулся.

– Хватайтесь за хвост, – сказал он.

– Простите?

– За хвост хватайтесь.

Как во сне, я сжал жесткие волосы.

– Да не так. Обеими руками, – терпеливо объяснил фермер.

– Вот так?

– Молодец! А теперь держитесь крепче.

Он прищелкнул языком, конек решительно затрусил вперед, а за ним и я.

И все оказалось так просто! Мир проваливался вниз у нас из-под ног, а мы возносились все выше. И, откидываясь, я с наслаждением смотрел, как разворачиваются извивы узкой долины, и вот уже открылась вторая, поперечная, а за ней белые холмы огромными белыми волнами вздымались к черным тучам.

У сарая фермер спешил.

– Все в порядке, молодой человек?

– Все в порядке, мистер Стоукилл.

Входя следом за ним в сарай, я улыбнулся. Старик как-то сказал мне, что оставил школу в двенадцать лет. Ну а я почти все двадцать четыре года моей жизни провел в учебных заведениях. Но, вспоминая последние часы, я должен был признать, что, конечно, могу похвастать книжной премудростью, однако знаний у него больше.

Кот Буян, носящий мячи

Этот сочельник я встречал в большой компании. Нас расквартировали в «Гранд-отеле», по-викториански массивное здание которого, все в башенках и шпилях, царило над Скарборо, так как воздвигнуты эти великолепные чертоги были на холме. В огромном банкетном зале орали и хохотали несколько сотен будущих летчиков. Суровая дисциплина на несколько часов была смягчена, чтобы не стеснять дух веселого Рождества. Так Рождество мне праздновать не приходилось ни до, ни после, и, казалось бы, оно должно было запомниться мне особенно ярко. Но нет! Стоит мне подумать о Рождестве, и на память приходит совсем другое, неразрывно связанное с одной кошечкой.

В первый раз я увидел ее однажды осенью, когда приехал посмотреть одну из собак миссис Эйнсворт и с некоторым удивлением заметил на коврике перед камином пушистое черное существо.

– А я и не знал, что у вас есть кошка, – сказал я.

Миссис Эйнсворт улыбнулась.

– Она вовсе не наша. Это Дебби.

– Дебби?

– Да. То есть это мы так ее называем. Она бездомная. Приходит к нам раза два в неделю, и мы ее подкармливаем. Не знаю, где она живет, но, по-моему, на одной из ферм дальше по шоссе.

– А вам не кажется, что она хотела бы у вас остаться?

– Нет, – миссис Эйнсворт покачала головой, – это очень деликатное создание. Она тихонько входит, съедает, что ей дают, и тут же исчезает. В ней есть что-то трогательное, но держится она крайне независимо.

Я снова взглянул на кошку.

– Но ведь сегодня она пришла не только чтобы поесть?

– Вы правы. Как ни странно, она время от времени проскальзывает в гостиную и несколько минут сидит перед огнем. Так, словно устраивает себе праздник.

– Да... понимаю...

Несомненно, в позе Дебби было что-то необычное. Она сидела совершенно прямо на мягком коврике перед камином, в котором рдели и полыхали угли. Но она не свернулась клубком, не умывалась – вообще не делала ничего такого, что делают в подобном случае все кошки, – а лишь спокойно смотрела перед собой. И вдруг тусклая шерстка, тощие бока подсказали мне объяснение. Это было особое событие в ее жизни, редкое и чудесное: она наслаждалась уютом и теплом, которых обычно была лишена.

Пока я смотрел на нее, она встала и бесшумно выскользнула из комнаты.

– Вот так всегда. – Миссис Эйнсворт засмеялась. – Дебби никогда не сидит тут больше чем минут десять, а потом исчезает.

Миссис Эйнсворт, полная симпатичная женщина средних лет, была таким клиентом, о каких мечтают ветеринары, – состоятельная заботливая владелица трех избалованных бассейнов. Достаточно было, чтобы привычно меланхолический вид одной из собак стал чуть более скорбным, и меня тут же вызывали. Сегодня какая-то из них раза два почесала лапой за ухом, и ее хозяйка в панике бросилась к телефону.

Таким образом, мои визиты к миссис Эйнсворт были частыми, но не обременительными, и мне представлялось много возможностей наблюдать за странной кошечкой. Однажды я увидел, как она изящно лакала из блюдечка, стоявшего у кухонной двери. Пока я разглядывал ее, она повернулась и легкими шагами почти проплыла по коридору в гостиную.

Три бассета вповалку похрапывали на каминном коврике, но, видимо, они уже давно привыкли к Дебби: два со скучающим видом обнюхали ее, а третий просто сонно покосился в ее сторону и снова уткнул нос в густой ворс.

Дебби села между ними в своей обычной позе и сосредоточенно уставилась на полыхающие угли. На этот раз я попытался подружиться с ней и, осторожно подойдя, протянул руку, но она уклонилась. Однако я продолжал терпеливо и ласково разговаривать с ней, и в конце концов она позволила мне тихонько почесать ее пальцем под подбородком. В какой-то момент она даже наклонила голову и потерлась о мою руку, но тут же ушла. Выскользнув за дверь, она молнией метнулась вдоль шоссе, юркнула в пролом в изгороди, раза два мелькнула среди гнущейся под дождем травы и исчезла из виду.

– Интересно, куда она ходит? – пробормотал я.

– Вот этого-то нам так и не удалось узнать, – сказала миссис Эйнсворт, незаметно подойдя ко мне.

Миновало, должно быть, три месяца, и меня даже стала несколько тревожить столь долгая бессимптомность бассетов, когда миссис Эйнсворт вдруг мне позвонила.

Было рождественское утро, и она говорила со мной извиняющимся тоном.

– Мистер Хэрриот, пожалуйста, простите, что я беспокою вас в такой день. Ведь в праздники всем хочется отдохнуть.

Но даже вежливость не могла скрыть тревогу, которая чувствовалась в ее голосе.

– Ну что вы, – сказал я. – Которая на сей раз?

– Нет-нет, это не собаки... а Дебби.

– Дебби? Она сейчас у вас?

– Да, но с ней что-то очень неладно. Пожалуйста, приезжайте сразу же.

Пересекая рыночную площадь, я подумал, что рождественский Дарроуби словно сошел со страниц Диккенса. Снег толстым ковром укрыл булыжник опустевшей площади, фестонами свешивался с крыш поднимающихся друг над другом домов, лавки были закрыты, а в окнах цветные огоньки елок манили теплом и уютом.

Дом миссис Эйнсворт был щедро украшен серебряной мишурой и остролистом; на серванте выстроились ряды бутылок, а из кухни веяло ароматом индейки, начиненной шалфеем и луком. Но в глазах хозяйки, пока мы шли по коридору, я заметил жалость и грусть.

В гостиной я действительно увидел Дебби, но на этот раз все было иначе. Она не сидела перед камином, а неподвижно лежала на боку, и к ней прижимался крохотный, совершенно черный котенок.

Я с недоумением посмотрел на нее.

– Что случилось?

– Просто трудно поверить, – ответила миссис Эйнсворт. – Она не появлялась у нас уже несколько недель, а часа два назад вдруг вошла на кухню с котенком в зубах. Она еле держалась на ногах, но донесла его до гостиной и положила на коврик. Сначала мне это даже показалось забавным. Но она села перед камином и, против обыкновения, просидела так целый час, а потом легла и больше не шевелилась.

Я опустился на колени и провел ладонью по шее и ребрам кошки. Она стала еще более тощей, в шерсти запеклась грязь. Она даже не попыталась отдернуть голову, когда я осторожно открыл ей рот. Язык и слизистая были ненормально бледными, губы – холодными как лед, а когда я оттянул веко и увидел совершенно белую конъюнктиву, у меня в ушах словно раздался похоронный звон.

Я ощупал ее живот, заранее зная результат, и поэтому, когда мои пальцы сомкнулись вокруг дольчатого затвердения глубоко внутри брюшной полости, я ощутил не удивление, а лишь грустное сострадание. Обширная лимфосаркома. Смертельная и неизлечимая. Я прило-

жил стетоскоп к сердцу и некоторое время слушал слабеющие частые удары. Потом выпрямился и сел на коврик, рассеянно глядя в камин и ощущая на своем лице тепло огня.

Голос миссис Эйнсворт донесся словно откуда-то издалека:

– Мистер Хэрриот, у нее что-нибудь серьезное?

Ответил я не сразу.

– Боюсь, что да. У нее злокачественная опухоль. – Я встал. – К сожалению, я ничем не могу ей помочь.

Она ахнула, прижала руку к губам и с ужасом посмотрела на меня.

Потом сказала дрогнувшим голосом:

– Ну так усыпите ее. Нельзя же допустить, чтобы она мучилась.

– Миссис Эйнсворт, – ответил я, – в этом нет необходимости. Она умирает. И уже ничего не чувствует.

Миссис Эйнсворт быстро отвернулась и некоторое время пыталась справиться с собой. Это ей не удалось, и она опустилась на колени рядом с Дебби.

– Бедняжка! – плача, повторяла она и гладила кошку по голове, а слезы струились по ее щекам и падали на сваливающую шерсть. – Что она, должно быть, перенесла! Наверное, я могла бы ей помочь – и не помогла.

Несколько секунд я молчал, сочувствуя ее печали, столь не вязавшейся с праздничной обстановкой в доме.

– Никто не мог бы сделать для нее больше, чем вы. Никто не мог быть добрее.

– Но я могла бы оставить ее здесь, где ей было бы хорошо. Когда я подумаю, каково ей было там, на холоде, безнадежно больной... И котята... Сколько у нее могло быть котят?

Я пожал плечами.

– Вряд ли мы когда-нибудь узнаем. Не исключено, что только этот один. Ведь случается и так. Но она принесла его вам, не правда ли?

– Да, верно... Она принесла его мне... она принесла его мне.

Миссис Эйнсворт наклонилась и подняла взъерошенный черный комочек. Она разгладила пальцем грязную шерстку, и крошечный ротик раскрылся в беззвучном «мяу».

– Не правда ли, странно? Она умирала и принесла своего котенка сюда. Как рождественский подарок.

Наклонившись, я прижал руку к боку Дебби. Сердце не билось.

Я посмотрел на миссис Эйнсворт.

– Она умерла.

Оставалось только поднять тельце, совсем легкое, завернуть его в расстеленную на коврике тряпку и отнести в машину.

Когда я вернулся, миссис Эйнсворт все еще гладила котенка. Слезы на ее щеках высохли, и, когда она взглянула на меня, ее глаза блеснули.

– У меня еще никогда не было кошки, – сказала она.

Я улыбнулся.

– Мне кажется, теперь она у вас есть.

И в самом деле, у миссис Эйнсворт появилась кошка. Котенок быстро вырос в холеного красивого кота с неумным веселым нравом, а потому и получил имя Буян. Он во всем был противоположностью своей робкой маленькой матери. Полная лишений жизнь бродячего кота была не для него: он вышагивал по роскошным коврам Эйнсвортов как король, а красивый ошейник, который он всегда носил, придавал ему особую внушительность.

Я с большим интересом наблюдал за его прогрессом, но случай, который особенно врезался мне в память, произошел на Рождество, ровно через год после его появления в доме.

У меня, как обычно, было много вызовов. Я не припомню ни единого Рождества без них – ведь животные не считаются с нашими праздниками... Но с годами я перестал раздражаться и философски принял эту необходимость. Как-никак после такой вот прогулки на морозном воздухе по разбросанным на холмах сараям я примусь за свою индейку с куда большим аппетитом, чем миллионы моих сограждан, посапывающих в постелях или дремлющих у каминов. Аппетит подогревали и бесчисленные аперитивы, которыми усердно угощали меня гостеприимные фермеры.

Я возвращался домой, уже несколько окутанный розовым туманом. Мне пришлось выпить не одну рюмку виски, которое простодушные йоркширцы наливают словно лимонад, а напоследок старая миссис Эрншоу преподнесла мне стаканчик домашнего вина из ревеня, которое прожгло меня до пят. Проезжая мимо дома миссис Эйнсворт, я услышал ее голос:

– Счастливого Рождества, мистер Хэрриот!

Она провожала гостя и весело помахала мне рукой с крыльца.

– Зайдите, выпейте рюмочку, чтобы согреться.

В согревающих напитках я не нуждался, но сразу же свернул к тротуару. Как и год назад, дом был полон праздничных приготовлений, а из кухни доносился тот же восхитительный запах шалфея и лука, от которого у меня сразу засосало под ложечкой. Но на этот раз в доме царила не печаль – в нем царил Буян.

Поставив уши торчком, с бесшабашным блеском в глазах он стремительно насккивал на каждую собаку по очереди, слегка ударял лапой и молниеносно удирал прочь.

Миссис Эйнсворт засмеялась.

– Вы знаете, он их совершенно замучил! Не дает ни минуты покоя!

Она была права. Для бассетов появление Буяна было чем-то вроде вторжения жизнерадостного чужака в чопорный лондонский клуб. Долгое время их жизнь была чинной и размеренной: неторопливые прогулки с хозяйкой, вкусная обильная еда и тихие часы сладкого сна на ковриках и в креслах. Один безмятежный день сменялся другим... И вдруг появился Буян.

Я смотрел, как он бочком подбирается к младшей из собак, поддразнивая ее, но когда он принялся боксировать обеими лапами, это оказалось слишком даже для бассета. Пес забыл про свое достоинство, и они с котом сплелись, словно два борца.

– Я сейчас вам кое-что покажу.

С этими словами миссис Эйнсворт взяла с полки твердый резиновый мячик и вышла в сад. Буян кинулся за ней. Она бросила мяч на газон, и кот помчался за ним по мерзлой траве, а мышцы так и перекачивались под его глянцевой черной шкуркой. Он схватил мяч зубами, притащил назад, положил у ног хозяйки и выжидательно посмотрел на нее.

Я ахнул. Кот, носящий поноску!

Бассеты взирали на все это с презрением. Ни за какие коврижки не снизошли бы они до того, чтобы гоняться за мячом. Но Буян неумоимо притаскивал мяч снова и снова.

Миссис Эйнсворт обернулась ко мне.

– Вы когда-нибудь видели подобное?

– Нет, – ответил я. – Никогда. Это необыкновенный кот.

Миссис Эйнсворт схватила Буяна на руки, и мы вернулись в дом. Она, смеясь, прижалась к нему лицом, а кот мурлыкал, изгибался и с восторгом терся о ее щеку. Он был полон сил и здоровья, и, глядя на него, я вспомнил его мать. Неужели Дебби, чувствуя приближение смерти, собрала последние силы, чтобы отнести своего котенка в единственное известное ей место, где было тепло и уютно, надеясь, что там о нем позаботятся? Кто знает...

По-видимому, не одному мне пришло в голову такое фантастическое предположение. Миссис Эйнсворт взглянула на меня, и, хотя она улыбалась, в ее глазах мелькнула грусть.

– Дебби была бы довольна, – сказала она.

Я кивнул:

– Конечно. И ведь сейчас как раз год, как она принесла его вам?

– Да. – Она снова прижалась к Буяну лицом. – Это самый лучший подарок из всех, какие я получала на Рождество.

Первая самоволка

Я уставился на циферблат весов и не поверил своим глазам. Шестьдесят килограммов! Я похудел на без малого тринадцать килограммов с того дня, как призвался в Королевские ВВС. Я горбился в привычном углу аптеки Бута, которую посещал еженедельно, чтобы следить за своим весом и не допустить истощения. Это было невероятно и объяснялось не только суровой боевой подготовкой.

По прибытии в Скарборо к нам обратился наш боевой командир лейтенант Барнс. Он окинул нас внимательным взглядом и сказал: «Когда вы выйдете отсюда, то не узнаете себя». Этот человек знал, что говорил.

Мы не знали отдыха. Шагистика и летная подготовка, летная подготовка и шагистика, и так – день за днем. Мы часами гнулись и разгибались на плацу в майках и трусах, а свежий ветер со стороны зимнего моря придавал нам бодрости. Мы часами ходили строем под рев нашего сержанта: «Шире шаг! Короче шаг! Кругом!» Мы строем ходили даже на занятия по навигации, печатая широкий шаг, принятый в Королевских ВВС, и поднимая руки на высоту плеч.

Нас регулярно водили – опять строем – на вершину холма Касл, где мы стреляли из всех мыслимых видов оружия: из мелкашек, револьверов, пулеметов Браунинга. Мы также кололи штыками манекены. А в промежутке между занятиями нас заставляли плавать, играть в футбол или регби, а также устраивали многокилометровые забеги вдоль берега моря и по холмам.

Поначалу я был слишком занят, чтобы заметить какие-либо перемены в себе, но однажды утром по прошествии нескольких недель наш восьмикилометровый бег закончился на длинной полосе пустынного пляжа, и сержант крикнул: «Хорошо, а теперь – быстро вон к тем скалам! Давайте поглядим, кто добежит до них первым!»

Мы рванули последнюю стометровку единым духом, и каково же было мое удивление, когда первым на месте оказался я – и совсем не задыхнувшись. И вот тогда осознание этого факта сразило меня. Мистер Барнс оказался прав. Я не узнавал себя.

Когда я оставил Хелен, то был балованным молодым супругом с небольшим двойным подбородком и начинающимся брюшком. Теперь же я напоминал гибкую гончую собаку, способную без устали преследовать добычу. Конечно, мое физическое состояние улучшилось, но что-то было не так. Я не должен был стать таким худым. Тут срабатывал иной фактор.

Когда во время беременности жены у мужа начинается недомогание, в Йоркшире за его спиной хихикают в кулачок и говорят, что он «вынашивает» ребенка. Я никогда не усмехался в ответ на такие слова, поскольку был убежден, что своего ребенка я именно «вынашиваю».

Я основываю свою убежденность на разных симптомах. Было бы преувеличением говорить о том, что я страдал утренней тошнотой, но легкое подташнивание, которое я испытывал в первой половине дня, укрепляло мои подозрения. Позднее, когда у Хелен приближался срок родов, несмотря на мое нормальное физическое состояние, я ощущал себя измотанным и жалким. А когда на последнем этапе внизу моего живота я ощутил явные признаки родовых схваток, все сомнения отпали. Я понял, что должен что-то предпринять.

Мне нужно было увидеться с Хелен. В конце концов, она находилась прямо за тем холмом, который я видел из окна гостиницы. Может, это было и не так, но я же находился в Йоркшире, и автобус доставил бы меня к ней за три часа. Но дело было в том, что увольнительных в УНЛП не давали. Командование не оставляло нам никаких сомнений по этому поводу. Нам говорили, что дисциплина в училище должна быть такой же, как в гвардейском полку, равно как и жесткость прочих ограничений. Я бы сумел получить увольнительную по случаю рождения ребенка, но я не мог ждать так долго. Суровые соображения относительно того, что мой

«самоход» будет считаться чем-то вроде дезертирства, за которым последует суровое наказание, даже тюремное заключение, не слишком волновали меня.

Как говорил мой товарищ: «Тут один тип попробовал и закончил в тюрьме. Оно того не стоит, старина».

Но для меня это был не аргумент. Я – нормальный законопослушный гражданин, меня ни в чем нельзя упрекнуть. Но мне нужно увидеть Хелен. Тщательное исследование расписания показало, что автобус на Дарроуби отходит в два часа дня и прибывает на место в пять. А в шесть часов из Дарроуби уходит автобус на Скарборо и прибывает сюда в девять. Шесть часов в пути, чтобы провести час с Хелен. Дело стоило того.

Поначалу я не видел возможности добраться до автобусной станции к двум часам, поскольку мы всегда были заняты в это время, но шанс подвернулся совершенно неожиданно. Однажды в пятницу нам сообщили, что занятий больше не будет и оставшуюся часть дня мы проведем в гостинице. Большинство моих друзей свалились в кровати от счастья, а я пробрался к длинному пролету лестницы и занял в фойе позицию, откуда мог наблюдать за входной дверью.

У входа размещался застекленный КПП, где сидел военный полицейский и следил за выходящими из здания. В тот день дежурил только один полицейский. Я дождался, пока он скроется в задней комнате, и спокойно прошел мимо него на площадь.

Эта часть путешествия оказалась слишком простой, но на пустынной площади, между гостиницей и тротуаром на противоположной стороне улицы, я почувствовал себя голым и открытым для всех. Когда я повернул за угол, мне стало лучше, и я быстрым шагом направился на запад. Мне нужно было лишь немного везения, больше ничего, и, когда я пустился по безлюдной улице, мне показалось, что удача мне улыбается. Каков же был мой шок, когда я увидел двух дюжих военных полицейских, которые шли мне навстречу! Однако шок быстро сменился странным спокойствием.

Они попросят меня предъявить увольнительную, которой у меня и быть не могло, затем спросят, что я тут делаю. Не будет большого толку убеждать их, что я решил просто прогуляться на свежем воздухе: улица вела и к железнодорожному вокзалу, и к автостанции, и не надо быть семи пядей во лбу, чтобы раскусить мои замыслы. Как бы то ни было, прятаться негде, бежать некуда, и я лениво подумал: а сидел ли когда-нибудь в тюрьме какой-нибудь ветеринар? Возможно, мне предстоит стать первым в списке.

И вдруг позади себя я услышал ритмическое топание марширующих ног и команду: «Левой! Левой! Раз-два-три!» Я обернулся и увидел капрала в голове длинной колонны в голубых мундирах, которая догоняла меня. Она шла мимо, я посмотрел на полицейских, и сердце мое подпрыгнуло. Они хохотали друг другу в лицо, видимо, над анекдотом. Они не увидели меня! Не теряя лишних секунд на размышление, я подстроился к хвосту колонны и через минуту прошел мимо них незамеченным.

Отчаяние заставляло мысли работать быстрее, и мне показалось, что я нахожусь в самой безопасной позиции до того момента, когда смогу оторваться от колонны и отправиться на автобусную станцию. Какое-то время мною владело бодрящее чувство анонимности, но тут капрал, не прекращая кричать команды, повернул голову и посмотрел назад. Он тут же перевел глаза обратно, но потом снова – уже медленнее – обернулся в мою сторону. Видимо, он увидел что-то интересное, поскольку сократил шаг и вскоре поравнялся со мной и пошел рядом.

Он оглядел меня снизу доверху, и я, косясь, оглядел его. Он представлял собой сморщенного карлика со злобными глазками, сверкавшими на бледном тощем лице. Прошло какое-то время, и он заговорил.

– Что за чертовщина, ты кто? – спросил он как бы между прочим.

Это был неудобный вопрос номер один, но я уловил в нем слабый проблеск надежды: звучал отчетливый резкий гортанный акцент моего родного города.

– Я – Хэрриот, господин капрал. Второе звено четвертой эскадрильи! – Я тщательно подражал говору уроженцев Глазго.

– Второе четвертой... А это – первое звено третьей. Какого черта ты тут делаешь?

Продолжая задира́ть руки и смотреть прямо перед собой, я сделал глубокий вдох. Прятаться было бесполезно.

– Пытаюсь увидаться с моей женой, господин капрал. У нее скоро будет ребенок.

Я бросил на него быстрый взгляд. Он не выглядел человеком, которого можно легко удивить, но тут его глаза немного расширились.

– Хочешь встретиться с женой? Ты что, дурак или кто?

– Никак нет, господин капрал. Она живет в Дарроуби. Три часа на автобусе. А к вечеру я вернусь.

– Вернешься к вечеру? А голову полечить не хочешь?

– Я должен увидаться с ней.

– Смотреть вперед, – заорал он внезапно на курсантов, которые шли впереди нас. – Левой, левой! – Затем повернулся ко мне и посмотрел на меня недоверчиво, как на исключительное явление.

Мне он тоже был интересен, поскольку являл собой типичное следствие тяжелых дней, которые переживал Глазго в промежутке между двумя войнами. Невысокого роста, худой от скудного питания, он держался твердо и воинственно, как гончая собака.

– А ты знаешь, старина, – сказал он наконец, – что ты получишь отпуск, когда жена родит?

– Да, но я не могу ждать так долго. Отпустите меня, господин капрал.

– Да что ты мелешь! Ты что, хочешь, чтобы меня расстреляли?

– Нет, господин капрал, я хочу только добраться до автостанции.

– Боже! Ты что... – И он бросил на меня последний взгляд, полный сомнений, и прибавил шаг, чтобы встать во главе колонны.

Когда он вернулся, то опять внимательно осмотрел меня снизу доверху.

– А ты из какого района Глазго?

– Из Скотстаунхилла, – ответил я. – А вы откуда?

– Из Гована.

Я чуть повернул голову к нему.

– Болеее за «Рейнджеров», да?

Выражение его лица не изменилось, но одна бровь дернулась, и я понял, что поймал его в свою сеть.

– Что за команда! – уважительно пробормотал я. – А сколько раз я болел за них на трибунах стадиона в Иброксе!

Он ничего не сказал, а я начал перечислять имена великих игроков «Рейнджеров» тридцатых годов: Доусон, Грей, Макдональд, Мейклджон, Симпсон, Браун. В его глазах появилось мечтательное выражение, а когда я дошел до Арчибальда, Маршала, Инглиша, Мафэйла и Мортонна, на его губах появилось подобие задумчивой улыбки.

Тут он встряхнулся и вернулся к реальности.

– Левой, левой, – заорал он. – Шире шаг!

Затем прошептал мне, кривя рот:

– Автостанция – вон там. Когда мы пройдем мимо, беги, как...

Он прибавил шаг и прошел в голову колонны. Я увидел автобусы и широкие окна зала ожидания слева от себя, быстро перебежал на ту сторону и нырнул в здание. Я стянул с головы фуражку и, дрожа от страха, сел между пожилыми фермерами и их женами. Через стекло я видел, как по улице уходит прочь длинная колонна в голубых мундирах, и долго еще слышал выкрики капрала.

Но он не обернулся, и я видел только его удаляющуюся спину, выпрямленные узкие плечи и ноги, которые он задирает в такт со своими курсантами. Я никогда больше не встречался с ним, но до сих пор во мне живет желание сходить с ним в Иброкс и посмотреть на игру «Рейнджеров». Возможно, мы бы даже взяли по пиву в одном из пабов в Говане. В тот день положение не изменилось бы, если бы он оказался болельщиком «Селтика», я мог перечислить фамилии игроков и этого клуба, начиная с Кеннауэя, Кука, Макгонги. Так что тогда был не единственный раз, когда меня выручило глубокое знание футбола.

Сидя в автобусе и все еще держа фуражку между коленей, чтобы не привлекать излишнего внимания, я вдруг заметил, как изменился мир вокруг, едва мы отъехали пару километров от города. В городских пределах война была везде, она была в умах, глазах и душах людей, на улицах, забитых людьми в военной форме, летчиками Королевских ВВС и военными автомобилями, а атмосфера в городе была наполнена ожиданием и страхом. И вдруг все просто кончилось.

Все куда-то исчезло, когда внизу под нами показалась гладь серо-голубого моря, а по мере того как автобус забирался все дальше на запад, окружающий ландшафт представлял собой символ тихого покоя. Длинные влажные борозды только что поднятой целины сверкали в лучах февральского солнца, резко контрастируя с золотой стерней и покрытыми травой пастбищами, на которых кормились отары овец. Стоял безветренный день, и дым из фермерских каминов поднимался прямо вверх, а редкие ветки деревьев у дороги оставались неподвижными на фоне неба.

Многое по дороге напомнило мне о мирной жизни. Вот идет мужчина в бриджах и чулках, неся на плече тук сена для скота в дальних коровниках. Вот группа фермеров жжет обрезки, оставшиеся после установки деревянного плетня, и запах древесного дыма проникает в автобус. Эти напоминания становились все сильнее, когда за окнами автобуса началась хорошо знакомая мне наша округа. Видимо, все же хорошо, что я так и не доехал до Дарроуби: автобус проходил мимо дома, где теперь жила Хелен, и я сошел задолго до города.

Она была в доме одна, и, когда я вошел в кухню, она обернулась. Радость на ее лице смешалась с удивлением, хотя точнее было бы сказать, что удивлены были мы оба: она – оттого что я стал таким тощим, а я – оттого что она стала такой толстой. За две недели до предполагаемого срока родов она и в самом деле очень растолстела, но все же не настолько, чтобы мне не хватило рук обнять ее. Мы долго стояли обнявшись посреди комнаты, и никто из нас не сказал ни слова.

Когда я отпустил ее, она посмотрела на меня широко раскрытыми глазами и сказала:

– Я едва узнала тебя, когда ты вошел.

– Могу сказать про тебя то же самое.

– Ну, я не удивляюсь, – сказала она и положила руку на свой вздувшийся живот. – Он теперь пинается как безумный. Я уверена, что это будет мальчик.

В ее глазах мелькнула мимолетная озабоченность, она вытянула руку и коснулась моей щеки.

– Тебя что, не кормят там?

– О нет, еда у нас очень хорошая, – возразил я. – Но к несчастью, она не задерживается в теле.

– Ну так я тебя теперь как следует накормлю. – Она задумчиво посмотрела на меня. – Жаль, что мы уже съели нашу норму мяса, но как насчет яиц и жареной картошки?

– Великолепно.

Она приготовила мне яйца и картошку и сидела рядом со мной, пока я ел. Мы урывками вели разговор, и вдруг меня осенило: с тех пор как я покинул ее, мои мысли были вынуждены двигаться совсем в другом направлении. За эти несколько месяцев мои мозги оказались набитыми понятиями из моей новой жизни, даже моя речь оказалась насыщенной сленгом и жар-

гоном Королевских ВВС. Обычно я рассказывал о разных случаях из жизни моих животных, о том, что случилось со мной на вызовах, и теперь я беспомощно думал, что не вижу большого смысла в рассказах о том, как младший пилот Филиппс опять попал на губу, или как опасно бывает забывать об угле сноса, или как Дон Макгрегор раскрыл секрет феноменального блеска ботинок сержанта Хинда.

Но это не имело значения. Мои переживания исчезли, когда я посмотрел на нее. Я все беспокоился, хорошо ли она себя чувствует. Ну что же, она чувствует себя хорошо, она кипит энергией, ее глаза горят, щеки розовы и вообще – она прекрасна. Странно, но одна неприятная нота все-таки прозвучала. Хелен носила платье для беременных, которое с течением времени распускалось все шире с помощью разреза на боку. Почему-то я возненавидел его. Оно было сшито из голубой ткани и имело красный воротник, а я считал его слишком дешевым и уродливым. Я знал, что в Англии принято одеваться строго и многие вещи делаются так, как того требуют соображения экономии, но мне ужасно хотелось, чтобы моя жена носила что-нибудь получше. За всю мою жизнь я нечасто попадал в ситуации, когда мне были нужны деньги, но те дни были как раз такими, поскольку на свою зарплату младшего пилота, равнявшуюся трем шиллингам в день, я не имел возможности одеть ее в дорогое платье.

Час пролетел быстро, мне показалось, что я только вошел, а уже надо выходить на шоссе и ждать в наступающей темноте автобуса до Скарборо. Обратный путь оказался довольно тоскливым, поскольку темный автобус пролетал по неосвещенным деревьям и холмам. К тому же было холодно, но я сидел укутанный, как в теплый плед, в воспоминания о Хелен.

Да, тот день удался! Мне повезло, и я улизнул, а вернуться в гостиницу будет нетрудно, поскольку дежурил теперь один из моих приятелей, так сказать, «крыша самохода». Закрывая глаза во мраке, я видел перед собой Хелен и улыбался ее пышущему здоровью. Что за облегчение видеть ее в таком добром здравии! Конечно, простая трапеза из яиц и картошки показалась мне банкетом, но главным блюдом стали не они, а цветущий вид Хелен.

Ее платье все еще раздражало меня, но в сравнении с тем волшебным часом это уже ничего не значило.

Волшебное излечение кобылы ценой 5000

– Эй, ты! Какого черта ты тут делаешь?

В устах спецполицейского Королевских ВВС такое обращение звучало привычным.

– Дополнительные занятия по навигации, капрал, – ответил я.

– Твой пропуск!

Он выхватил его у меня из рук, прочитал и вернул, даже не глядя на меня. Я выскользнул на улицу, ощущая себя пленником, выпущенным под залог.

Не то чтобы все полицейские были такими, но большинство из них казались мне лишенными всякого обаяния. И тут мне внезапно пришла в голову мысль, зревшая уже давно, с того момента, когда я поступил на службу в ВВС, – мысль, что я к тому времени стал избалованным человеком. Избаловало меня то обстоятельство, что ко мне всегда относились с уважением, ведь я был ветеринаром, человеком, принадлежавшим к уважаемой профессии. И я принимал это как должное.

А теперь, когда я был младшим пилотом – а это самое низкое звание в ВВС, – слова «Эй, ты!» отражали мой статус. Конечно, йоркширские фермеры не выбегают вам навстречу и не осыпают поцелуями, но их приветливая дружелюбность и вежливость принадлежат к числу качеств, которые я теперь, когда поступил на военную службу, оценил еще выше. Потому что именно в этот момент я перестал воспринимать их как должное.

Имейте в виду, вам понадобится чуть-чуть наглости, какой бы деятельностью вы ни занялись, и ветеринария – не исключение.

Даже и сейчас я словно вижу, как потемнело лицо Ралфа Бимиша, тренера скаковых лошадей, когда я вылез из машины.

– А где мистер Фарнон? – сердито буркнул он.

Я стиснул зубы. Сколько раз слышал я этот вопрос в окрестностях Дарроуби, особенно когда речь шла о лошадях!

– Извините, мистер Бимиш, но он уехал на весь день, и я подумал, что лучше приеду я, чем откладывать на завтра.

Он даже не попытался скрыть свое раздражение, а надул толстые, в лиловатых прожилках щеки, сунул руки поглубже в карманы бриджей и с видом мученика устремил взгляд в небеса.

– Ну так идем! – Он повернулся и, сердито вскидывая короткие толстые ноги, зашагал к одному из денников, окружавших двор.

Я сдержал вздох и пошел за ним. Ветеринар, не питающий особой страсти именно к лошадям, в Йоркшире частенько попадает в тягостные ситуации, и уж тем более в скаковых конюшнях, этих лошадиных храмах. Зигфрид, не говоря уже о его профессиональных навыках, великолепно умел объясняться на языке лошадиников. Он с легкостью и во всех подробностях обсуждал особенности и стати своих пациентов. Он хорошо ездил верхом, участвовал в лисьих травлях и даже внешне – длинным породистым лицом, подстриженными усами и худощавой фигурой – соответствовал популярному образу аристократического любителя лошадей.

Тренеры на него просто молились, и многие – вот как Бимиш – считали чуть ли не личным оскорблением, если сам он почему-либо не мог приехать к их дорогостоящим подопечным.

Бимиш окликнул конюха, и тот открыл дверь.

– Он тут, – буркнул Бимиш. – Охромел после утренней разминки.

Конюх вывел гнедого мерина, и с первого взгляда стало ясно, какая нога у него не в порядке, – то, как он припадал на левую переднюю, говорило само за себя.

– По-моему, он потянул плечо, – сказал Бимиш.

Я обошел лошадь, приподнял правую переднюю ногу и очистил копытным ножом стрелку и подошву, однако не обнаружил ни следов ушиба, ни болезненности, когда постучал по рогу рукояткой ножа.

Я провел пальцами по венчику, начал ощупывать путо и у самого конца пясти обнаружил чувствительное место.

– Мистер Бимиш, дело, по-видимому, в том, что он ударил задней ногой вот сюда.

– Куда? – Перегнувшись через меня, тренер поглядел и тут же объявил: – Я ничего не вижу.

– Да, кожа не повреждена, но, если нажать вот тут, он вздрагивает.

Бимиш ткнул в болезненную точку коротким указательным пальцем.

– Ну вздрагивает, – буркнул он. – Да только если жать, как вы жмете, он и будет вздрагивать, болит у него там или не болит.

Его тон начал меня злить, но я сказал спокойно:

– Я не сомневаюсь, что дело именно в этом, и рекомендовал бы горячие противовоспалительные припарки над путовым суставом, перемежая дважды в день холодным обливанием.

– А я не сомневаюсь, что вы ошиблись. Никакого там ушиба нет. Раз лошадь так держит ногу, значит у нее болит плечо. – Он махнул конюху. – Гарри, поставь-ка ему припарку на это плечо.

Если бы он меня ударил, я возмутился бы меньше. Но я не успел даже рта открыть, как он зашагал дальше.

– Я хочу, чтобы вы взглянули еще и на жеребца.

Он провел меня в соседний денник и показал на крупного гнедого, у которого на передней ноге были видны явные следы нарыва.

– Мистер Фарнон полгода назад поставил ему вытяжной пластырь. С тех пор он тут так и отдыхает. А теперь вроде бы совсем на поправку пошел. Как, по-вашему, можно его выпускать?

Я подошел и провел пальцами по всей длине сгибаемых сухожилий, проверяя, нет ли утолщений, но ничего не обнаружил. Тогда я приподнял копыто и при дальнейшем исследовании нашел болезненный участок на поверхности сгибателя. Я выпрямился.

– Кое-что еще осталось, – сказал я. – Мне кажется, разумнее будет поддержать его тут подольше.

– Я с вами не согласен, – отрезал Бимиш и повернулся к конюху. – Выпусти его, Гарри.

Я поглядел на тренера. Он что, нарочно надо мной издевается? Стараются кольнуть побольнее, показать, что я не вызываю у него доверия? Во всяком случае, я еле сдерживался и надеялся только, что мои горящие щеки не слишком заметны.

– Ну и последнее, – сказал Бимиш. – Один из жеребцов что-то покашливает. Так взгляните и на него.

Через узкий проход мы вышли во двор поменьше; Гарри открыл денник и взял жеребца за недоуздок. Я пошел следом, доставая термометр. При моем приближении жеребец прижал уши, фыркнул и затанцевал. Я заколебался, но потом кивнул конюху.

– Пожалуйста, поднимите ему переднюю ногу, пока я измерю температуру, – сказал я.

Конюх нагнулся и взял было ногу, но тут вмешался Бимиш:

– Брось, Гарри, это ни к чему. Он же тихий, как ягненок.

Я помедлил, чувствуя, что тревожился не напрасно, но со мной тут не считались. Пожав плечами, я приподнял хвост и ввел термометр в прямую кишку.

Оба задних копыта ударили меня почти одновременно, но, вылетая спиной в открытую дверь, я (отлично это помню) успел подумать, что удар в грудь на какой-то миг опередил удар в живот. Впрочем, мысли мои тут же затуманились, так как нижнее копыто угодило точно в солнечное сплетение.

Растянувшись на цементном покрытии двора, я охал и хрипел, тщетно стараясь глотнуть воздух. Секунду я уже не сомневался, что сейчас умру, но наконец сделал стонущий вдох, с трудом приподнялся и сел. В открытую дверь денника я увидел, что Гарри буквально повис на морде жеребца и смотрит на меня испуганными глазами. Мистер Бимиш, однако, оставил без внимания мою плачевную судьбу и заботливо осматривал задние ноги жеребца – сначала одну, потом другую. Без сомнения, он опасался, что копыта пострадали от соприкосновения с моими недопустимо твердыми ребрами.

Я медленно поднялся на ноги и несколько раз глубоко вдохнул. Голова у меня шла кругом, но в остальном я как будто отделался благополучно. И вероятно, какой-то инстинкт заставил меня не выпустить термометра – хрупкая трубочка все еще была зажата в моих пальцах.

В денник я вернулся, не испытывая ничего, кроме холодного бешенства.

– Поднимите ему ногу, как вам было сказано, черт вас дери! – закричал я на беднягу Гарри.

– Слушаю, сэр! Извините, сэр! – Он нагнулся, крепко ухватил переднюю ногу и приподнял ее.

Я поглядел на Бимиша, проверяя, скажет ли он что-нибудь, но тренер глядел на жеребца ничего не выражающими глазами.

На этот раз мне удалось измерить температуру без осложнений. Тридцать восемь и три. Я перешел к голове, двумя пальцами раскрыл ноздрю и увидел мутновато-слизистый экссудат. Подчелюстные и заглоточные железы выглядели нормально.

– Небольшая простуда, – сказал я. – Я сделаю ему инъекцию и оставлю вам сульфаниламид – мистер Фарнон в подобных случаях применяет именно его.

Если мои слова и успокоили его, он не подал вида и все с тем же ледяным выражением наблюдал, как я вводил жеребцу десять кубиков пронтозила.

Перед тем как уехать, я достал из багажника полуфунтовый пакет сульфаниламида.

– Дайте ему сейчас три унции в пинте воды, а потом по полторы унции утром и вечером. Если через двое суток ему не станет заметно лучше, позвоните нам.

Мистер Бимиш, с хмурым лицом, взял лекарство, и, открывая дверцу, я почувствовал огромное облегчение, что этот омерзительный визит подошел к концу. Тянулся он бесконечно и никакой радости мне не доставил. Я уже включил мотор, но тут к тренеру, запыхавшись, подбежал один из мальчишек при конюшне.

– Подавилась? – Бимиш уставился на мальчика, потом стремительно повернулся ко мне. – Лучшая моя кобыла! Идем!

Значит, еще не конец. Я обреченно поспешил за коренастой фигурой назад во двор, где другой мальчишка стоял рядом с буланой красавицей. Я посмотрел на нее, и мое сердце словно сжала ледяная рука. До сих пор речь шла о пустяках, но это было серьезно.

Она стояла неподвижно и смотрела перед собой со странной сосредоточенностью. Ребра ее вздымались и опадали под аккомпанемент свистящего, булькающего хрипа, и при каждом вдохе ноздри широко раздувались. Я никогда еще не видел, чтобы лошадь так дышала. С губ у нее капала слюна, и каждые несколько секунд она кашляла, словно давясь.

Я повернулся к мальчику.

– Когда это началось?

– Совсем недавно, сэр. Я к ней час назад заходил, так она была как огурчик.

– Верно?

– Ага. Я ей сена дал. И у нее все было в порядке.

– Да что с ней такое, черт подери? – воскликнул Бимиш.

Вопрос более чем уместный, но только я и представления не имел, как на него ответить. Я растерянно обошел кобылку, глядя на дрожащие ноги, на полные ужаса глаза, а в голове у меня теснились беспорядочные мысли. Мне приходилось видеть «подавившихся» лошадей –

когда пищевод закупоривало грубым кормом, – но они выглядели не так. Я прощупал пищевод – все чисто. Да и в любом случае характер дыхания был иным. Казалось, что-то перекрывает воздуху путь в легкие. Но что?.. И каким образом?.. Иностранное тело? Не исключено, однако таких случаев мне еще видеть не доводилось.

– Черт подери! Я вас спрашиваю! В чем дело? Как по-вашему, что с ней? – Мистер Бимиш терял терпение, и с полным на то основанием.

Я обнаружил, что осип.

– Одну минуту! Я хочу прослушать ее легкие.

– Минуту! – взорвался тренер. – Какие там минуты! Она вот-вот издохнет!

Это я знал и без него. Мне уже приходилось видеть такую же зловещую дрожь конечностей, а теперь кобылка начинала еще и покачиваться. Времени оставалось в обрез. Во рту у меня пересохло.

Я прослушал грудную клетку. Что легкие у нее в порядке, я знал заранее – несомненно, поражены были верхние дыхательные пути, – но в результате выиграл немного времени, чтобы собраться с мыслями.

Несмотря на вставленный в уши фонендоскоп, я продолжал слышать голос Бимиша:

– И конечно, это должно было приключиться именно с ней! Сэр Эрик Хоррокс заплатил за нее в прошлом году пять тысяч фунтов. Самая ценная лошадь в моей конюшне! Ну почему, почему это должно было случиться?

Водя фонендоскопом по ребрам, слушая грохот собственного сердца, я мог только от всей души с ним согласиться. Почему, ну почему на меня свалился этот кошмар? И конечно, именно в конюшне Бимиша, который в грош меня не ставит. Он шагнул ко мне и стиснул мой локоть.

– А вы уверены, что нельзя вызвать мистера Фарнона?

– Мне очень жаль, – ответил я хрипло, – но до того места, где он сейчас находится, больше тридцати миль.

Тренер словно весь съежился.

– Ну что же, значит, конец. Она издыхает.

И он не ошибался. Кобылка пошатывалась все сильнее, ее дыхание становилось все более громким и затрудненным, и фонендоскоп все время соскальзывал с ее груди. Чтобы поддержать ее, я уперся ладонью ей в бок и внезапно ощутил небольшое вздутие. Круглую бляшку, словно под кожу засунули небольшую монету. Я внимательно посмотрел. Да, она прекрасно видна. А вот и еще одна на спине... и еще... и еще. У меня екнуло сердце. Вот, значит, что!

– Как я объясню сэру Эрику! – простонал тренер. – Его кобыла сдохла, а ветеринар даже не знает, что с ней! – Он посмотрел вокруг мутным взглядом, словно надеясь, что перед ним каким-то чудом возникнет Зигфрид.

Я уже стремглав бежал к машине и крикнул через плечо:

– Я ведь не говорил, что не знаю, что с ней. Я знаю: уртикария.

Он бросился за мной.

– Урти... Это еще что?

– Крапивница, – ответил я, ища среди флаконов адреналин.

– Крапивница? – Он выпучил глаза. – Разве от нее умирают?

Я набрал в шприц пять кубиков адреналина и побежал назад.

– К крапиве она никакого отношения не имеет. Это аллергическое состояние, обычно вполне безобидное, но изредка оно вызывает отек гортани – вот как сейчас.

Сделать инъекцию оказалось непросто, потому что кобылка не стояла на месте; но едва она на несколько секунд замерла, как я изо всех сил вжал большой палец в яремный желоб. Вена вспухла, напряглась, и я ввел адреналин. Потом отступил на шаг и встал рядом с тренером.

Мы оба молчали. Мы видели только мучающуюся лошадь, слышали только ее хрипы.

Меня угнетала мысль, что она вот-вот задохнется, и, когда, споткнувшись, она чуть не упала, мои пальцы отчаянно сжали в кармане скальпель, который я захватил из машины вместе с адреналином. Конечно, следовало сделать трахеотомию, но у меня с собой не было трубочки, чтобы вставить в разрез. Однако, если кобылка упадет, я обязан буду рассечь трахею... Но я отогнал от себя эту мысль. Пока еще можно было рассчитывать на адреналин.

Бимиш расстроено махнул рукой.

– Безднадежно, а? – прошептал он.

Я пожал плечами.

– Не совсем. Если инъекция успеет уменьшить отек... Нам остается только ждать.

Он кивнул. По его лицу я догадывался, что его угнетает не просто страх перед предстоящим объяснением с богатым владельцем кобылы, – он, как истинный любитель лошадей, гораздо больше терзался из-за того, что у него на глазах мучилось и погибало прекрасное животное.

Я было решил, что мне почудилось. Но нет – дыхание действительно стало не таким тяжелым. И тут, еще не зная, надеяться или отчаиваться, я заметил, что слюна перестает капать. Значит, она сглатывает!

Затем события начали развиваться с невероятной быстротой. Симптомы аллергии проявляются со злобещей внезапностью, но, к счастью, после принятия мер они нередко исчезают не менее быстро. Четверть часа спустя кобылка выглядела почти нормально. Дыхание еще оставалось хриловатым, но она поглядывала по сторонам с полным спокойствием.

Бимиш, который смотрел на нее как во сне, вырвал клоч сена из брикета и протянул ей. Она охотно взяла сено у него из рук и принялась с удовольствием жевать.

– Просто не верится, – пробормотал тренер. – Никогда еще не видел, чтобы лекарство срабатывало так быстро, как это!

А я словно плавал в розовых облаках, радостно стряхивая с себя недавнее напряжение и растерянность. Как хорошо, что нелегкий труд ветеринара дарит такие минуты: внезапный переход от отчаяния к торжеству, от стыда к гордости.

К машине я шел буквально по воздуху, а когда сел за руль, Бимиш наклонился к открытому окошку.

– Мистер Хэрриот... – Он был не из тех, кто привык говорить любезности, и его щеки, обветренные и выдубленные бесконечной скачкой по открытым холмам, подергивались, пока он подыскивал слова. – Мистер Хэрриот... я вот подумал... Ведь необязательно разбираться в лошадиных статях, чтобы лечить лошадей, верно?

В его глазах было почти умоляющее выражение. Я вдруг расхохотался, и он улыбнулся. Мне было невыразимо приятно услышать из чужих уст то, в чем я всегда был убежден.

– Я рад, что кто-то наконец это признал! – сказал я и тронул машину.

Собачьи развлечения

Я стоял на посту перед нашей гостиницей. Было уже за полночь, и злющий ветер кружился на пустой площади, а мне было так холодно и скучно, что даже щелканье прикладом в приветствии проходящему мимо офицеру казалось мне развлечением.

Я малодушно подумал о том, как мои романтические намерения обучиться летному мастерству превратились в дежурство на посту, где я защищаю «Гранд-отель» в Скарборо от вторжения любых чужаков. При мрачном взгляде на мир мое занятие казалось нелепо комичным, и, топча землю на своем коротком маршруте часового, я все время убеждал себя сохранять чувство юмора. Справа от меня была стена высотой с мой рост, и при каждом моем движении вдоль нее я хмуро размышлял о том, как забавно выглядит со стороны мое занятие. Вдруг в какой-то момент я посмотрел на стену, и она напомнила мне пса мистера Бейлса по имени Шеп. Вот уж кто, несомненно, был наделен чувством юмора. Дом мистера Бейлса стоял посреди деревни Хайберн, и, чтобы попасть во двор, приходилось ярдов двадцать идти по проулку между оградами почти в рост человека – соседнего дома слева и сада мистера Бейлса справа, где почти весь день околачивался Шеп.

Это был могучий пес, гораздо крупнее среднего колли. Собственно говоря, по моему твердому убеждению, в нем текла кровь немецкой овчарки, ибо, хотя он щеголял пышной черно-белой шерстью, в его массивных лапах и благородной посадке коричневой головы с торчащими ушами было что-то эдакое-некое. Он разительно отличался от плюгавых собачонок, которых я чаще всего видел во время объездов.

Я шел между оградами, но мысленно уже перенесся в коровник в глубине двора. Дело в том, что корова Бейлса по кличке Роза мучилась одним из тех неясных расстройств системы пищеварения, из-за которых ветеринары лишаются сна. Ведь при этом так трудно поставить диагноз! Эта корова два дня назад начала покряхтывать и давать все меньше молока, и когда я осматривал ее вчера, то совсем запутался в возможных причинах. Проглоченная проволока? Но сычуг сокращается как обычно, и в рубце хватает нормальных шумов. Кроме того, она хотя и вяло, но жевала сено.

Завал?.. Или частичная непроходимость?.. Несомненная боль в животе и эта подлая температура – тридцать девять и два... очень похоже на проволоку. Конечно, вопрос можно было бы разрешить сразу, вскрыв ей желудок, но мистер Бейлс придерживался старомодных взглядов и не желал, чтобы я лазал во внутренности его коровы прежде, чем поставлю точный диагноз. А поставить его мне пока не удалось – таков был единственный бесспорный факт.

Как бы то ни было, я приподнял ее, поставив передними ногами на половинку двери, и закатил ей сильное масляное слабительное. «Держи кишечник чистым и уповай на Бога!» – сказал мне однажды умудренный годами коллега. Совет очень недурной!

Я прошел уже полдороги по проулку, теша себя надеждой, что найду свою пациентку на пороге выздоровления, как вдруг в мое правое ухо, словно бы из ниоткуда, ударил оглушительный звук. Опять этот чертов Шеп!

Ограда была, как нарочно, такой высоты, что пес мог подпрыгнуть и залаять прямо в ухо прохожему. Это была его любимая забава, и он уже несколько раз ее со мной проделывал – правда, впервые столь удачно. Мысли мои были далеко, и пес получил возможность так хорошо рассчитать свой прыжок, что лай пришелся на высшую точку и клыки лягнули совсем рядом с моим лицом. А голосина у него был под стать телосложению: рык, басистый, как мычание быка, подымался из глубин могучей груди и вырывался из разверстой пасти.

Я взвился в воздух на несколько дюймов – сердце у меня колотилось, в голове звенело, – а когда снова опустился на землю и в ярости поглядел за ограду, то, как обычно, успел увидеть только мохнатый силуэт, стремительно исчезнувший за углом дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.